

Исламское государство как фактор геополитической трансформации региона Ближнего Востока в современный период

В работе рассматриваются вопросы, связанные с возникновением нового военно-политического актора в ближневосточном регионе – террористической организации «Исламское государство». Подробно представлены этапы развития группировки, рассмотрены основные вехи ее деятельности. Раскрываются интересы и роль в сирийском кризисе таких ведущих стран мира, как Россия и США, а также региональных государств (Иран, Турция, Катар, Саудовская Аравия). Анализируется военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке на текущий момент 2015 года, влияние происходящих событий на безопасность Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств.

Региональная безопасность и стабильность имеют важное значение для осуществления первостепенных стратегических, военно-политических и экономических задач Российской Федерации на Ближнем Востоке. В силу своего геополитического положения, наличия ряда крупных государств с несовпадающими интересами, активного влияния внерегиональных сил этот регион на протяжении десятилетий являлся одним из наиболее беспокойных районов мира.

Геополитическая характеристика региона Ближнего Востока. В свете происходящих событий изучение Востока для отечественных специалистов является одной из главных задач. Выдающийся военный деятель и ученый, знаменитый востоковед А.Е. Снесарев (1865-1937) в своих работах, посвященных этой тематике, отмечал: Ближний Восток с начала XIX века занимает всеобщее внимание, как включающий в себя территории подступа к Индии. [1]

Вот уже несколько десятилетий Ближний Восток является одним из самых нестабильных регионов мира, который стал цитаделью терроризма и экстремизма. Их последствиями является не только террор и нестабильность в государствах, но и попытки трансформировать целый регион мира с дальнейшей дестабилизацией соседних районов. К тому же следует отметить, что Ближний Восток является одним из самых милитаризованных регионов мира. По ключевым показателям милитаризации и военным расходам в

абсолютном исчислении, страны данного района являются лидерами среди развивающихся стран, а по отдельным показателям опережают и развитые страны. Такое положение объясняется сочетанием двух факторов:

1. Высокая конфликтогенность;
2. Наличие крупных ресурсов углеводородного сырья, которые привлекают интересы мировых держав.

Высокий потенциал конфликтогенности региона складывается по линии арабо-израильского противостояния, наличия территориальных споров между Ираном и Саудовской Аравией, Ираном и Турцией, нерешенности курдского вопроса, а также присутствия военных баз США.

Сам процесс формирования геополитической карты региона Ближнего Востока на протяжении всего XX и частично XXI вв. включал в себя не только появление новых независимых государств, но и изменения в их форме правления государством. В большинстве государств данного региона система власти сложилась к моменту получения независимости, однако из этого правила имелся целый ряд исключений, например когда монархия заменялась республикой в результате революции или государственного переворота (Египет — 1953 г., Ирак — 1958 г., Иран — 1979). В целом для арабских республик, за исключением Ливана, характерно наличие устойчивых авторитарных однопартийных режимов, возглавляемых влиятельными и харизматическими лидерами, которые обычно сочетают в себе функции государственного и партийного руководителя: Саддам Хусейн в Ираке (1979 – 2003 гг.), Хосни Мубарак в Египте (1981 – 2011 гг.). Самым показательным примером подобной «монархической республики» является Сирия, где в 2000 г. Башар Асад сменил на президентском посту своего отца Хафеза Асада, четырежды переизбиравшегося на протяжении 1971–2000 гг. Что касается монархий, региональная специфика заключается в том, что особая роль здесь принадлежит не столько монарху, сколько всему правящему семейству или клану. В некоторых арабских монархиях правящие семейные или родственные кланы удерживают власть в течение очень длительного времени и даже столетий (в Бахрейне — с 1782 г., в Катаре — с 1822 г.). В период так называемой холодной войны, когда шло противостояние между двумя системами СССР и США, арабские «революционные демократии» как на Ближнем Востоке, так и в Северной Африке ориентировались на СССР, в то время как монархические государства, Израиль и Турция, поддерживали США. В 1990-х годах. раскол

на прозападные и антизападные государства постепенно утратил свою значимость. Однако и по сей день в регионе остаются два антизападных режима — Сирия и Иран. Появление новых антизападных режимов стало также не исключением в связи с возможностью исламизации светских государств (как например это почти произошло в Египте в результате прихода к власти «Братьев мусульман» в лице президента А.Мурси, после смещения Х.Мубарака). [2]

Ближний Восток — это колыбель трех крупных мировых религий: ислама, христианства и иудаизма. Однако в настоящее время специфика состоит в его конфессиональной однородности: ислам исповедует подавляющее большинство населения всех государств региона, за исключением Израиля.

Зародившийся на территории современной Саудовской Аравии в начале VII в., ислам стал фундаментом арабской государственности, поэтому неудивительно, что из всех регионов мира именно Ближний и Средний Восток демонстрирует наибольшую степень взаимозависимости религии и политики. Именно здесь представлен весь спектр возможных отношений религии и государства: на Ближнем и Среднем Востоке соседствуют светские (Сирия и Турция) и теократические государства (Саудовская Аравия и Иран); в целом ряде арабских стран и Израиле при сохранении светского характера власти религия формально не отделена от государства. Политический расклад внутри отдельно взятой страны нередко определяется отношениями между конфессиональными группами, прежде всего между представителями двух ведущих течений в исламе — суннитами и шиитами. Шииты составляют большую часть населения только в трех государствах Ближнего и Среднего Востока — Иране (80 %), Ираке (60 %) и в Бахрейне (около 60 %), однако в некоторых странах (Ливан, Йемен, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.) имеются крупные шиитские общины. Сосуществование шиитского и суннитского населения в рамках одного государства нередко ведет к таким внутривнутриполитическим противоречиям, которые в настоящее время можно наблюдать в Йемене, Бахрейне, Ливане, Сирии и Ираке. Эти противоречия порой приводят к вооруженному противостоянию на религиозной почве как например происходит это в настоящее время в Йемене, Сирии и Ираке, что отражается как на государственной, так и региональной стабильности и безопасности Ближнего Востока. [3]

Что касается экономической специфики региона, то она определяется, в первую очередь, его уникальной нефтеносностью: здесь осуществляется примерно 56 % мировой добычи нефти. Ведущими производителями нефти являются Саудовская Аравия (на ее территории располагается около 20 % разведанной нефти) Иран, Ирак и Кувейт. Для государств, относящихся к типу нефтеэкспортеров (аравийские монархии), характерен низкий уровень диверсификации экономики, высокий ВВП и доход на душу населения (Катар занимает по этому показателю 1-е место в мире). В свою очередь, нефть является не только благом, но и конфликтообразующим фактором в регионе:

во-первых, наличие столь богатых ресурсов на протяжении XX – XXI вв. делало Ближний и Средний Восток объектом экспансии великих держав (Великобритании, Франции, России, позднее США),

во-вторых, нефтяные запасы распределены между государствами региона крайне неравномерно.

Несомненно, особую экономическую и военно-стратегическую значимость придает Суэцкий канал, соединяющий Средиземное Красное моря. Это кратчайший водный путь между Индийским океаном и акваторией Средиземного моря Атлантического океана. Используя альтернативный маршрут, который длиннее на 8 тыс. км, водному транспорту придется огибать Африку. До открытия канала транспортировка осуществлялась путём разгрузки судов и сухопутной перевозки между Средиземным и Красным морями.

Нельзя недооценивать значение Суэцкого канала, так как морской транспорт считается наиболее дешевым средством перевозки грузов. Именно потому около 80% от объема мировой торговли перевозится по водным путям. Использование Суэцкого канала позволяет сократить расстояние и время водных маршрутов, а также свести к минимуму эксплуатационные расходы для судов, которые осуществляют перевозки грузов из Европы в Азию и Северо-Восточную Африку. Этот уникальный в своем роде навигационный путь обслуживает примерно одну пятую часть всех мировых перевозок нефти и примерно одну десятую от объема всех мировых торговых транспортировок.

Можно выделить ряд факторов исторического, политического, религиозного, социального, этнического, географического и экономического

характера, которые осложняют как межгосударственные отношения, так и внутривластическую ситуацию в отдельных странах и в регионе в целом. [4]

1. Историческое прошлое, а именно колониальное прошлое Ближнего Востока (огромное количество территориальных споров и претензий остались не урегулированными после распада Османской империи и обретения независимости подмандатными территориями и протекторатами; проблема государственности курдов и создания арабского государства в Палестине).

2. Сравнительно политическая «молодость» государств и борьба за региональное лидерство. На Ближнем Востоке активно идет процесс выделения регионального лидера при слишком большом количестве амбициозных режимов. В разные периоды на этот статус претендовали и претендуют как теократические (Саудовская Аравия, Иран), так и светские (Сирия, Египет, Турция) государства.

3. Геополитические интересы крупных держав и их влияние в региональные процессы (в период холодной войны Ближний Восток оказался расколот на два лагеря, один под влиянием СССР, другой - США. После окончания холодной войны США стали значительно доминировать в этом регионе, что привело к дисбалансу, дестабилизации, усилению международного терроризма, смещению ряда режимов.

4. Конфессиональная пестрота региона при доминирующей роли ислама суннитского толка и приводящая к противостоянию сунитов и шиитов в ряде стран региона Ближнего Востока.

5. Проблема обеспеченности водными ресурсами и распределения вод трансграничных рек, что создает дополнительную сложность и напряженность в отношениях Сирии и Израиля (р. Иордан), Сирии и Турции (р. Тигр и Евфрат).

6. Демографическая ситуация (для региона характерна высокая доля детей (20–40 % в различных государствах) и молодежи в возрастной структуре населения, что приводит к невостребованности значительного количества молодых людей, которые становятся идеальным материалом для вербовки в экстремистские и террористические организации.

7. Особое влияние на состояние безопасности и стабильности отдельных стран и региона в целом оказывает деятельность террористических группировок. На сегодняшний день на Ближнем Востоке действуют организации и структуры, которые бросают вызовы целым

государственным режимам в Ираке, Сирии, Йемене, Ливии: «Аль-Каида» и ее разновидности, «Исламское Государство», «Джабхат-ан-Нусра», «Братья-мусульмане» (действуют более чем в 50 странах мира), «Народный фронт освобождения Палестины», «Исламский джихад», «Хамас», «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами.

Как и предвидел в своей исследовательской деятельности в начале XX в. российский ученый А.Е. Снесарев, новая опасность (терроризм - агрессивная сила) пришла с Востока. К началу XXI века в мире отчетливо обозначилась системная угроза глобального терроризма, преимущественно проявившегося в облиии радикального исламизма. Из всех разновидностей террористических движений (национальных, политических и иных) «намного более опасным оказался терроризм, который питается религиозным фанатизмом, ибо у него нет ни логики, ни жалости, ни способности идти на уступки». [5]

Основными странами, которые являются ведущими военно-политическими игроками, определяющими и оказывающими влияние на состояние ситуации на Ближнем Востоке, являются Египет, Турция, Израиль, Саудовская Аравия, Сирия (как государство до начала противостояния), Катар (который несмотря на маленькую территорию имеет большие финансовые ресурсы для реализации определенных геополитических интересов в регионе), Иран (государство Среднего Востока, имеющее свои интересы на Ближнем Востоке).

Данный регион отмечается самой высокой конфликтностью. После второй мировой войны здесь происходило большое количество военных конфликтов по линии арабо-израильского противостояния, война Египта с Ливией, национально-освободительные движения по выходу из под влияния Франции, Великобритании, США. В настоящее время в концентрированном виде здесь присутствуют самые актуальные «новые» угрозы международной безопасности – терроризм и распространение оружия массового поражения. Здесь же проводились самые масштабные операции международного вмешательства в Ирак и Ливию.

На Ближнем Востоке сосредоточены военные базы США: передовой командный пункт в Катаре, аэродромы в Катаре и ОАЭ, крупная база в Кувейте, штаб 5-го флота ВМС США и командный пункт ВВС в Бахрейне, базы в Омане, база ВВС в Турции, а также постоянное присутствие кораблей

ВМС США в Персидском заливе, Индийском Океане, Красном море и Средиземном море.

В настоящее время ИГИЛ является одним из ключевых факторов, определяющих военно-политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке. ИГИЛ сегодня – это протогосударство, с территорией в 50-70 тыс. кв. км. с населением в 6-8 миллионов человек. Целью правительства является безусловно превращение этого непризнанного халифата в полноценное государство. Такой исход событий будет означать появление нового актора на Ближнем и Среднем Востоке, влияние которого выйдет за рамки региона. Это в свою очередь окажет определенное влияние на региональный геополитический ландшафт.

Стратегическое ядро ИГ как военной структуры, по наиболее тревожным подсчетам, не превышает 50 тысяч человек. Однако это профессионалы джихада и их число в критические моменты (например, во время наступления 2014 года) могло расти по тысяче человек в месяц за счет притока добровольцев разной степени подготовленности. Полуфантастическая цифра армии ИГ в 200 тысяч человек, которую испуганно озвучивают иракские чиновники, может быть набрана только за счет местного населения в условиях тотальной мобилизации. Кроме того, эта цифра (50 тысяч человек) включает все подразделения ИГ на сирийском и иракском ТВД. При этом значительная часть этих сил в боях на территории Сирии возможно и не участвует, а поддерживает в напряжении остатки Ирака. Поэтому очень трудно оценить, сколько именно сил и средств экстремистов находится на наиболее интенсивном на сегодняшний момент сирийском ТВД.

С 2015 года масштабы и интенсивность военных действий ИГИЛ неуклонно росла. Боевики ИГИЛ контролируют до 30% территории Ирака, провозгласив на захваченной территории провинций Анбар, Найнава и Салах-эд-Дин «Исламский халифат». В свою очередь, национальные вооруженные силы Ирака во взаимодействии с правоохранительными органами продолжают проводить контртеррористические операции по восстановлению порядка в данных провинциях. Вместе с тем наблюдается переход к затяжным позиционным боям. Значительных успехов ИГИЛ добилось успехов в восточной и южной части Сирийской Арабской Республики. В результате наступления была захвачена почти значительная часть территории этой страны, а именно провинций Дераа, Кунейтра и

Идлиб. Сложная обстановка сложилась в восточных провинциях Ракка, Хасеке и Дейр-эз-Зор, которые находятся под контролем ИГИЛ.

Становление организации ИГ, структура, состав и идеология организации. Возникновение группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), взявшей под контроль часть территории Сирии и Ирака, безусловно, стало новым этапом в истории экстремистских групп, действующих на Ближнем Востоке.

Будучи поначалу обычным и почти ничем не примечательным подразделением «Аль-Каиды» на территории Ирака, ИГ вело классическую террористическую войну, совершая массовые теракты против шиитского населения Ирака, правительственных сил и объектов.

Истоки ИГ восходят к 80-м годам XX века, когда власти Соединенных Штатов заключили негласное соглашение с афганскими моджахедами. Соединенные Штаты со своей стороны гарантировали им всемерную поддержку в их борьбе против СССР. Очевидно, что у жителей Афганистана и прибывавших туда добровольцев и наемников из различных регионов были разные цели. Политическое руководство Вашингтона в свою очередь просто использовало такое совпадение интересов в своих целях, так как Афганистан не мог представлять для Соединенных Штатов серьезной угрозы.

После окончания войны, движение моджахедов не нашло себе применения, особенно иностранцы, многие из которых, стали изгоями в своих собственных странах. Парадоксально, но те же государства, которые приложили максимум усилий для подготовки своих подопечных, теперь стали усиленно их преследовать. Примечательно, что, фактически, то же самое повторяется и сейчас – на этот раз с боевиками, которые воюют в Сирии.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. к власти приходят те, кто в свое время составлял основу для борьбы с СССР. В итоге, к 1996 году власть в Афганистане переходит к движению "Талибан". Идеология, которой придерживались талибы, была крайне близка к официальной религии Саудовской Аравии. Ядро организации «Талибан» составили беженцы-студенты, получившие образование в религиозных школах в Пакистане. Школы были созданы по системе религиозных взглядов Саудовской Аравии и декларировали идеи, которые высказывал Ибн Абдель-Ваххаб. Он был человеком весьма суровым и жестким, проповедуя негибкие, порой излишне радикальные подходы, в частности: требования закрытия

лица у женщин, тогда как это не является обязательным; жесткие наказания даже за мелкие правонарушения и т.д.[6]

Эту идеологию, конечно, нельзя назвать экстремистской, однако приверженцы данного идеологического течения часто претендуют на исключительность и правильность. А это, в свою очередь, создает предпосылки для радикализации, которая может довести до непримиримого отношения ко всем, кто придерживается «неправильных» взглядов, вплоть до обвинения их в «неверии или отступничестве», одним словом к шовинизму.

11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке происходит нападение на Центр международной торговли, в чем сразу обвиняют нового противника для всего мирового сообщества – террористическую организацию "Аль-Каида". На этой почве, а именно из-за поддержки Аль-Каиды режимом талибов и отказа выдачи Усама бен Ладена, США начинают контртеррористическую операцию и вводят свои войска в Афганистан. В 2001 г. подразделения Сил специальных операций США и ЦРУ, совместно с афганскими войсками и при поддержке ВВС США менее чем за три месяца свергли режим талибов, понеся при этом незначительные потери. [7]

Многие из бойцов перебирались в другие регионы, а после свержения Саддама Хусейна в 2003 г. часть оказалась в Ираке, где в результате образовавшегося вакуума власти возникли идеальные условия для создания новых групп. Одной из них и стала организация ИГИ, впоследствии переросшая в ИГИЛ. При этом поначалу группировка считалась региональным отделением «Аль-Каиды» и возглавлялась Мусабом аз-Заркави.

Коренные изменения произошли в 2010 году, когда выпущенные из американских тюрем в Ираке бывшие военные среднего командного звена армии Саддама Хусейна присоединились к ИГИ. Бывшие военные взяли группировку в свои руки. Начавшаяся война в Сирии позволила им поставить перед организацией ИГИЛ новые цели и задачи и переформатировать ее структуру. Однако в этой войне погибло все высшее руководство ИГИЛ. Примерно из сорока руководителей, финансистов, высокопоставленных связных и модераторов иракской террористической сети в живых осталось лишь восемь. Были убиты и два ключевых лидера - Абу Омар аль-Багдади и Абу Айюб аль-Масри.

В 2010 году лидером группировки стал Абу Бакр Аль-Багдади.

У группировки впервые появилась четко сформулированная цель, которая и позволила развернуть новую религиозную войну.

Четкость и ясность идеологии, а также решительные действия нового руководства немедленно привели к результатам. В июне 2014 года ИГИЛ окончательно разорвала связь с «Аль-Каидой». Абу Бакр аль-Багдади провозгласил создание нового халифата. Тогда же «Аль-Каида» открестилась от своего когда-то отделения на территории Ирака и начала действовать отдельно. Войну в Сирии ИГИЛ повела не столько против режима Б. Асада, сколько за строительство своего государства.

Чтобы четко определить идеологию экстремистской группировки ИГ, необходимо дать определение понятию исламский фундаментализм. Это «не что иное, как своеобразный ответ на огромные социальные и культурные перемены... воспринимаемые как угроза расшатывания и разрушения исламской идентичности или подавления этой идентичности». Вместе с тем, это – «течение, требующее возврата к истокам ислама, прежде всего к Корану, и допущение свободного толкования положений шариата (исключая догмы, ритуал, коранические запреты)».[8]

Фундаменталисты – одновременно модернизаторы и охранители ислама. Они не отрицают западные технологии, но вместе с тем не принимают западную культуру и социальные нормы.

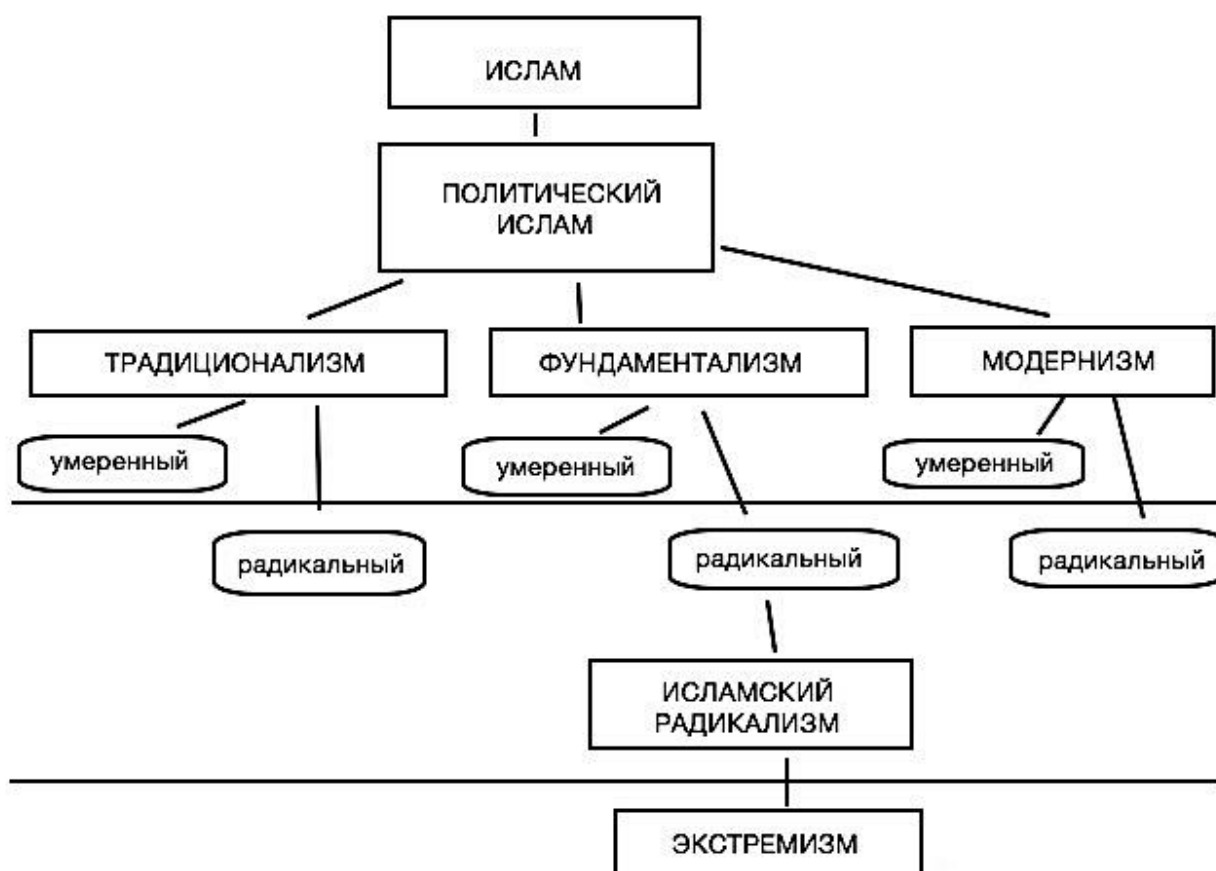
Это форма радикального ислама, связанная с верой в то, что для наращивания военной мощи правоверные мусульмане должны отказаться от всего того, что связано с «западными духовными ценностями западным образом жизни». Необходимо вернуться к истокам, к «фундаменту» ислама, точно в таком виде, каким его проповедовал пророк Мухаммед. Однако после трагической гибели четвертого и последнего праведного халифа, двоюродного брата и зятя пророка Али бен Абу Талиба Абул Хасана ал-Муртада, произошел раскол в исламе. Это привело к созданию относительно самостоятельных общин: шиитов и суннитов, которые, однако, оставались в пределах халифата и повиновались одному правителю – халифу.[9]

Дальнейший дезинтеграционный процесс в этих общинах выразился в выделении различных групп в отдельные секты. Их в настоящее время насчитывается несколько десятков, и тенденция формирования разного рода группировок под исламскими лозунгами сохраняется.

Изучая проблему идеологии в ближневосточном регионе, можно встретить такие понятия как «исламский радикализм» и «исламский

фундаментализм». Однако между ними нельзя поставить знак равенства. Радикальный исламский фундаментализм, ставит во главу угла принцип «джихада», известен так же как исламский радикализм, сокращенно – исламизм. Последователи радикализма понимают джихад как необходимость борьбы, причем вплоть до вооруженной, с христианским, в их глазах безбожным и материалистическим, западным миром. Именно в рамках такой идеологии работает ИГ.

Понятие исламского фундаментализма шире чем, например, понятие салафизма. В данном случае, салафиты чаще используют в своих целях социальную напряженность в обществе. Они интегрируются во властные структуры, реализуют свои интересы с помощью общественно-политических процессов. В отличие от радикального фундаментализма, салафиты чаще прибегают к методам политической борьбы. Если говорить об ИГ, то это наиболее радикальная группировка, джихадисты, которые нацелены на создание халифата путем ведения боевых действий.

Тем не менее, в деятельности группировок, возникших после Аль-Каиды, стали заметны новые характерные особенности. Так, заявления о том,

что Соединенные штаты являются основной целью, и что они являются основным противником для мусульманского мира постепенно ушли на второй план. Некоторые группировки непосредственно просили США о помощи, как, например, было в Сирии. Вероятно, такие группировки исходят из того, что в идеологических предпочтениях данных групп упор все больше делается на внутримусульманские различия. Таким образом, борьба с шиитами, к примеру, выходит на первый план, чем борьба с США и Израилем.

Очевидно, что такая агрессивная идеология насилия, принуждения, массовых казней, этнических чисток, устрашения и террора, обвинения всех в неверии, разрушения храмов вряд ли будет иметь будущее в регионе, где веками происходило межконфессиональное и межнациональное взаимодействие. Однако, эта деструктивная сила вполне может продолжать разрушение ближневосточных государств, исполняя таким образом планы тех, кто пытается создать в регионе множество очагов нестабильности, хаоса и анархии.

Сегодня ИГ представляет собой «полуреальное квазигосударство» с шариатской формой правления, которое частично контролирует территорию «суннитского треугольника».

Организация вытеснила Аль-Каиду с позиций главного врага США и учла ошибки «Аль-Каиды»: она не навязывает населению неизвестную ему религию салафитов и арабийские науки или толерантность к ним, а поддерживает традиционный ислам, в то же время действуя в военном союзе с организациями персидского ислама, кроме шиитских и курдских, и племенными ополчениями, а после создания международной коалиции против ИГ — также в союзе с Аль-Каидой и некоторыми группировками сирийской оппозиции. Большое значение играет то, что значительная часть мирного населения добровольно соглашается остаться на территории Исламского государства.

Тактика и стратегия ИГ заметно отличается от других террористических организаций. Эта группировка, которая стремится к расширению своей подконтрольной территории. Причем это не просто стихийные марш-броски или захваты каких-то мало значительных объектов. Бывшие военнослужащие иракской армии умело владея военным искусством занимаются планированием операций. ИГ четко стремится стать полноправным государством. Именно поэтому боевые операции направлены на захват стратегически важных объектов и энергетических источников. Для реализации своих планов, группировке требуются значительные денежные средства. По недавним оценкам финансового состояния ИГ можно утверждать, что экономическую базу составляют внутренние источники и доходы, извлекаемые с подконтрольных территорий. Наиболее ярким примером является продажа нефти. ИГ самофинансируется за счет удерживаемых под контролем нефтяных месторождений. В Ираке ИГ контролирует семь нефтяных месторождений и два нефтеперерабатывающих завода, в Восточной Сирии – шесть из 10 месторождений. Ежедневно группировка продает около 30 тыс. баррелей сырой нефти. Доход группировки «Исламское государство» от продажи нефти превышает три миллиона долларов в сутки, что является достаточно высоким показателем. И это позволяет организации сохранять и наращивать свой военный потенциал. Однако ни СМИ, ни политики не могут объяснить каким образом ИГ удастся продавать нефть на международном рынке, который, к слову, контролируется правительством Вашингтона. То есть, если ИГ способно продавать нефть на рынке, значит у него есть связи с

нефтяными компаниями. Успех «Исламского государства» заключается в том, что теперь оно контролирует два главных нефтепровода: один, ведущий к г. Баниас и снабжающий Сирию, и другой, доставляющий «белую» нефть в турецкий порт Джейхан для дальнейшей транспортировки. Функционирующий нефтепровод используется местной властью Курдистана, которая с его помощью экспортирует в Киркуке нефть. То есть возможно, что нападение ИГ скоординировано с местными властями и основная цель — расчленив Ирак на три части. [10]

Таким образом, можно выделить следующие источники финансирования ИГ:

- 1) продажа нефти как на внутреннем рынке, так и на зарубежном (через Ирак, Ливан, Турцию);
- 2) введение налогов на бизнес на контролируемых территориях;
- 3) продажа антиквариата;
- 4) введение «дорожного налога» (контроль прохождения автомобильных грузов по дорогам Сирии и Ирака).

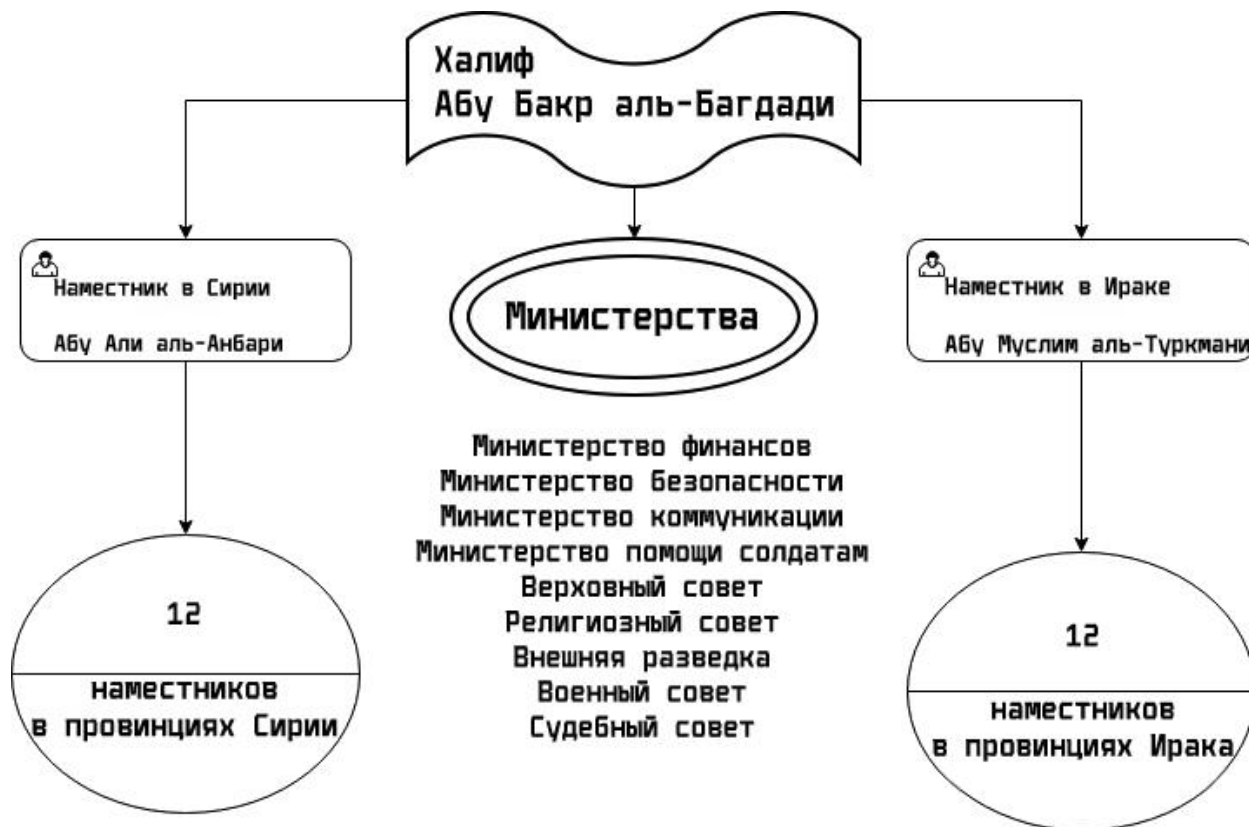
Вероятный раскол Ирака на три части, конечно же, изменит нефтяное распределение в ближневосточном регионе. После успеха ИГ все нефтяные компании были вынуждены в разной степени сократить свой штат. Это касается таких кампаний как ВР, Роял Датч Шелл, Турецкая нефтяная корпорация и китайских компаний Петро Чайна, Синопек и КНШНК. Потери понесут сирийцы, иракцы, персы и в некоторой мере Китай и Япония, которые были одним из основных клиентов Ирака.

Власти ИГ также выстроили целую систему налогообложения индивидуальных предпринимателей с плавающей налоговой ставкой. Также существует система продажи лицензий на археологическую деятельность.

Ни одна подобная террористическая организация, имеющая историю существования не один десяток лет, не добилось того, чего достигло ИГ за такой короткий срок. Здесь можно предположить, что заинтересованные западные организации и отдельные лица поддерживают деятельность группировки.

Особенностью ИГ является копирование элементов государственного управления, что позволяет осуществлять контроль на захваченных территориях. ИГ так же имеет свои доходы, систему социальной поддержки, отлаженный механизм информационного противоборства и систему

«государственного» управления. ИГ позиционирует себя не как организацию, а как протогосударственную структуру, постепенно разворачивающуюся в полноценное исламское государство. Поэтому ИГ имеет довольно отлаженную иерархию.

Структура «Исламского государства»

Во главе организации находится Аль-Багдади, он же «халиф», который в свою очередь является главнокомандующим.

Исполнительную власть осуществляют кабинет советников (правительство) и 12 местных управляющих (наместники) в Ираке и Сирии. Кабинет советников состоит из комитетов по финансам, управлению, организации транспорта, военным делам, юридическим делам (включая суды, полицию и структуры, исполняющие приговоры), по делам иностранных боевиков, делам безопасности, обеспечения, разведки и пропаганды. В провинциях созданы соответствующие структуры власти, которые полностью заменили ранее существовавшие.

Кроме того, Абу Бакру Аль-Багдади подчиняются два наместника Сирии – Абу Али аль-Анбари и Ирака – Абу Муслим аль-Туркмани. Они в

свою очередь контролируют три ведомства – Военное Ведомство, Союз Лидеров и Союз Шуры.

Законодательным органом является административный совет, исполнительную власть заменяют несколько советников халифа, которые собирают налоги, устанавливают режим подачи электроэнергии, воды, контролируют все гражданские системы жизнеобеспечения. Функционирует совещательный орган, называемый «Шура», в который входят из доверенных людей халифа.

Недавно появилась информация о том, что в ИГ появилась своя национальная валюта (исламский динар), чеканные монеты и даже почтовые марки.

У ИГ имеются собственные спецслужбы и пресс-служба. Причем информационно-психологическую войну эта группировка ведет на очень высоком уровне. Одним из главных составляющих информационной политики ИГ являются шокирующие медиа-файлы жестокости и насилия. В 2013 году был создан меда-фонд «Айнад», специализацией которого являлось распространение джихадистских проповедей и песнопений. В этом же году было учреждено медиа-агентство «Интисаам», распространявшее контент на арабском языке. В 2014 году на арену вступил новый медиа-центр «Аль-Хайят», ориентированный на западную аудиторию. Исключительно умелая пропаганда была развернута после 2014 года в социальных сетях. Агитаторы в социальных сетях провоцируют споры и затем выходят на связь с участниками с целью вербовки.

Военизированные формирования ИГ в месте основным боевым ядром, по данным на начало 2015 года, насчитывают по разным оценкам свыше 100 и достигают до 150 тыс. штыков. В это число входят боевые бригады, группы поддержки «Ансар», силы безопасности «Хисба», силы полиции, милиция (ополченцы, местные отряды самообороны: «Мухабарат», «Ассас», «Амният», «Аин аль-хас» и т.д.), новобранцы, проходящие боевую подготовку в учебных лагерях, и до 22 тыс. иностранных бойцов почти 100 национальностей.

Тактика действий и вооружение ИГ. Главными преимуществами джихадистов является внезапность, мобильность и натиск. Марши совершаются малыми колоннами, которые по размерам не превосходят и пехотного взвода. Максимальное подразделение – рота. Перед боем силы концентрируются в нужном месте и в нужное время. Атаки проводятся с

полным напряжением сил и, как правило, в предрассветные часы или ранним утром. Такая тактика имеет свои недостатки, но в данном случае она оказалась эффективной. Отличительными чертами ИГ являются также хорошо организованная разведка и гибкость в выборе тактики боя. Сильные концентрированные удары совмещаются с постоянными небольшими, но эффективными налетами и диверсионно-террористическими актами, изматывающими противника. [11]

Сейчас на некоторых участках ТВД «Исламское государство» переходит к обороне. К этому джихадистов подтолкнула возникшая необходимость перегруппировки сил и средств в связи с изменениями в оперативной обстановке. Существует также политическая задача – вновь образованный халифат должен продемонстрировать всему мусульманскому суннитскому сообществу, что он в состоянии защитить завоеванное. Для организации, которая так активно эксплуатирует мобильность в боевых действиях, удержание и защита захваченных территорий является настоящим вызовом. Гибридная армия ИГ в настоящий момент создает укрепления там, где курды, правительственная армия Ирака или их противники на сирийском ТВД переходят в наступление или могут контратаковать. Уничтожению подлежат мосты, дамбы, плотины, если есть необходимость создать препятствия на пути продвижения противника. Активно создается система противотанковой обороны, сочетающая ПТ-средства и инженерные заграждения. Массово используются мины-ловушки. Чтобы предотвратить возникновение партизанских формирований противника, ИГ намеренно изгоняет с занятых территорий несуннитское население. При отказе покидать районы, людей запугивают и принуждают сотрудничать с властями для нужд обороны. Активно ведется соответствующая пропаганда с использованием средств наружной рекламы, листовок, громкоговорителей. В прифронтовой зоне устанавливается режим безопасности. Население дифференцируется: кто-то привлекается на службу, кого-то арестовывают (похищают), кого-то убивают. ИГ активно взаимодействует с ополчением племен арабов-суннитов. Умело ведется пропаганда, разжигающая ненависть арабов-суннитов к представителям других религий, конфессий и этносов. Восстания и недовольства жестоко подавляются. [12]

Вооружение армии ИГ является обычным партизанским набором: в основном это ручное стрелковое оружие. Джихадисты испытывают недостаток в артиллерии и средствах ПВО. В основном на вооружении

отрядов ИГ состоят: М16, М4, АВ Стайер (Австрия), АКМ (и аналоги), РПК, М14, СВД, М249, ПК, ДШКм; ПТ-средства: М40, ВГМ71, РПГ-7, М79, ПТУРСы: «Фагот», «Красная стрела 8» (КНР); средства ПВО: ПЗРК (стрела 2), ЗУ 23-2, ЗСУ 23-4; артиллерия: 130-мм пушки М46, Д30, 155-мм гаубицы М198, «Гвоздика» (и другие САУ), БМ14, БМ21 («Град»); бронированные автомобили на базе «Хаммер» – HMMWV, MRAP, М1117, М113, БМП1, танки: Т55, Т62, Т72, М1 («Абрамс»).

Исламское государство использует разные виды и комбинации вербовки. В политике и деятельности ИГ особое место отводится привлечению добровольцев и специалистов из Европы, России и постсоветских государств Центральной Азии.

Вопреки распространенному мнению, для ИГ они нужны не только в качестве "пушечного мяса". В боевиках, достаточно обученных и обладающих реальным боевым опытом, на данный момент нужды нет, а потери в живой силе от операций «антитеррористической коалиции» не носят критического характера. По приблизительным данным, в вооруженные отряды идут и в боевых действиях принимают участие от четверти до трети добровольцев. Остальных руководство ИГ делит на две неравные части: меньшинство направляется на специальную подготовку – что называется, «кадры на вырост», на перспективу. Большинство же стараются использовать по их гражданским специальностям.

Особенно в рядах ИГ востребованы технические кадры, медики, инженеры, IT-специалисты, журналисты, а также инженеры для ремонта вооружения и техники.

Зарплаты в ИГ более чем достойные, а участие в боевых действиях не всегда требуется. Например, единовременные «подъемные» – в зависимости от квалификации – от 5 до 30 тысяч долларов. Семейным парам – на пятьдесят тысяч долларов больше. Жилье выделяется бесплатно, что связано с массовым бегством части населения из районов, попавших под контроль ИГ. Свою роль сыграли регулярные зачистки по конфессиональному признаку и за «нелояльность» к новой власти.

Ежемесячное вознаграждение также зависит от квалификации. Гражданские специалисты получают от 500 до 1000 долларов, что для региона является достойным заработком. На каждого ребенка в семье выдается от 35 до 50 долларов в месяц, обеспечивается бесплатное

образование, медицинское обслуживание. Примечательно также отсутствие коммунальных платежей. [13]

Впрочем, для большинства выходцев из Европы, России, в том числе с Северного Кавказа, и постсоветской Центральной Азии деньги – далеко не главное. Но и не второстепенное.

Особые условия жизни на территории оккупированной ИГ создают введенные ими новые условия быта и нравов.

- футбол и спортивные развлечения на территориях ИГ запрещены. В январе 2015 года боевики в г. Мосуле расстреляли из пулемета 13 подростков за просмотр футбола;

- к расстрелу в ИГ будет приговорен каждый, в чьем доме будет найден мобильный телефон. С целью выявления подобных нарушений в домах граждан практически ежедневно проходят обыски;

- нельзя курить сигареты и жевать резинку, за нарушение — 80 ударов плетью;

- во время пятничных молитв все магазины и торговые точки в халифате должны закрываться;

- строгий надзор осуществляется за формой одежды: она не должна напоминать ту, что носят «неверные»;

- женщинам запрещено передвигаться без сопровождения мужчины. Пойманную женщину доставляют домой, а мужчина опекун подвергается 80-ти ударами плетью;

Кроме того ИГ выпустило официальный прейскурант на «человеческий товар». Цена на секс-рабынь, к примеру, зависит от возраста и происхождения "товара" и может колебаться от \$10 до \$500.

Население захваченных территорий относится к ИГ по разному. Например, территории этнических курдов и шиитов не поддерживают экстремистов.

Особую роль играет желание многих мирных жителей добровольно оставаться на территории ИГ. Население районов на севере Сирии и в центре Ирака, устав от гражданской войны и произвола чиновников, приветствовало боевиков. Люди видели в них какую-то надежду на порядок. Часть населения помогает джихадистам, которые порой действуют неглупо, иногда раздают продовольствие. На территориях ИГ существует целая система социальной поддержки, медицинского обеспечения, помощь нуждающимся и т. д. Это

безусловно завоевывает сердца жителей. Однако в последствии и они не застрахованы от разочарований.

Также очевидцы отмечают, что боевики восстанавливают инфраструктуру городов, которая была в плачевном состоянии при правлении проамериканских властей Ирака, многие люди на территориях ИГ получили чистую воду, электричество, горючее, интернет и многие другие блага, боевики снова открыли больницы, не работающие со времён иракской войны.

Еще один немаловажный момент это то, что поддержка наблюдается даже в службах безопасности стран, армейских структурах. Например, когда боевики подошли к иракскому городу Эр-Рамади, то первыми побежали полицейские, а потом элитные бригады. Город был сдан без боя. Войска отказывались воевать, не видели смысла в этой борьбе, они не мотивированы.

Действия боевиков ИГ на подконтрольных территориях полностью соответствуют понятию геноцида. В частности, целенаправленно уничтожаются езиды - курдское этно-конфессиональное меньшинство, проживающее на севере Ирака. В зоне повышенного риска также находятся «неверующие» (то есть представители остальных религий) и даже мусульманское население стран, отказывающееся примкнуть к террористам, журналисты и общественные деятели.

«Исламское государство» стремится стать государством – без всяких кавычек, государством, основанном на принципах исламской справедливости, традиционной морали и неприятии «ценностей и прелестей» Запада.

Политика зарубежных государств в отношении «Исламского государства». В настоящее время на события в регионе и деятельность террористических и экстремистских организаций влияют внешние факторы, в особенности, геополитические интересы ведущих стран мира, а также непосредственно стран Ближнего и Среднего Востока.

В свержении режима Б. Асада и геополитической трансформации региона заинтересованы многие государства, однако явно преобладают интересы США и таких крупных региональных акторов, как Турция, Саудовская Аравия, Иран и Катар, в силу характера воздействия и специфики применяемых методов. Это связано с глобальными интересами (в

особенности США) и с тем, что эти государства являются естественными географическими соседями, которые определенно стремятся к реализации своих долгосрочных геополитических интересов путем перестроения региона.

США и ИГ. Значительные усилия для развития ситуации в регионе прилагает Америка. США объявило «Исламское государство» самым главным врагом и призвало все страны войти в коалицию по борьбе с группировкой. Однако ИГ для США - искусственно созданное иррегулярное формирование, которое стало средством контроля над Ираком и Сирией. Целью является раздел этих стран на части и установление контроля над ресурсами (в особенности над нефтяными). Через их реализацию по низким ценам в соседние страны ИГ самофинансируется, что способствует удержанию низких цен на нефть. Существуют определенно достоверные факты о том, что халиф аль-Багдади ещё несколько лет назад сидел в тюрьме Гуантанамо. Затем он сумел сделать самую головокружительную карьеру в мире: из узника тюрьмы он превратился в халифа «Исламского государства».

Будущий халиф сразу оказался в Сирии, а через некоторое время там появилась новая неизвестная ранее группировка ИГИЛ во главе с аль-Багдади.

Данная ситуация напоминает спецоперацию по внедрению агента, завербованного в тюрьме, что является обычным делом для спецслужб. Причем это очень напоминает историю «Аль-Каиды», которая тоже создавалась для джихада против СССР в Афганистане. Сегодня джихад декларирует ИГ против режима Б.Асада в Сирии, при этом держа в напряжении шиитское руководство в Ираке и Иране и выступая против России.

Факт финансирования предшествующих «Исламскому государству» группировок (иракской «Аль-Каиды» и «Исламского Государства Ирака и Леванты») со стороны США – давно не секрет, равно как и их мотивы. Целью была создание противовеса соперникам США в регионе – Ирану и Сирии.

Интереснее то, что уже тогда, в 2012 году, Министерство Обороны США прогнозировало вероятность того, что, объединив другие организации, «Исламское государство Ирака и Леванты» может объявить создание исламского халифата в Ираке и Сирии и провозгласить или создать некий

салафитский эмират в Восточной Сирии. В докладе также раскрывались и прогнозы относительно развития кризиса в регионе.

По мнению авторов, «режим продолжит существовать» и в дальнейшем нынешние события приведут к «войне чужими руками», то есть к противостоянию, где с одной стороны участвуют Иран и Россия (поддерживающие режим Башара Асада в Сирии), а с другой — Запад, страны Персидского залива и Турция.

Совокупность всех ближневосточных противоречий на фоне активизации «Исламского государства» выгодна США. Интересы США касаются обрушения мировых цен на нефть и подрыва экономики Ирана, что позволит им решить иранскую ядерную дилемму и одновременно лишить ИРИ возможности экономического восстановления.

Сложившаяся ситуация вполне соответствует планам США, которые стремятся к трансформации границ на Ближнем Востоке по линиям этно-религиозной принадлежности с перспективой образования независимого Курдистана (территории Сирии, Турции, Ирана и Ирака), Арабского шиитского государства (территории Ирана и прибрежные нефтяные районы Саудовской Аравии), объединённого Азербайджана (территория Азербайджана и часть Ирана).

Безусловно, для США и западноевропейских стран ИГ является врагом, но врагом отнюдь не экзистенциальным. Эта террористическая группировка сродни «Аль-Каиде», на каком-то этапе рассматривается в качестве инструмента для решения определенных задач, но на современном этапе постепенно может превратиться в проблему, так как наметились тенденции выхода ее из-под контроля.

Пропаганда борьбы с данной организации подкрепляется возмутительной жестокостью группировки, решительностью действий, стремительным расширением контролируемой территории. Такая политика руководства ИГ не могла не вызвать беспокойства Соединенных Штатов. Вместо бессмысленной тотальной войны всех со всеми борьба начала приобретать более чем управляемый характер. Все большая независимость группировки от внешнего финансирования и переход на самоокупаемость делали ее неуправляемой извне.

В настоящее время США и союзники наносят авиационные удары по позициям ИГ, но они либо неэффективны, либо невозможны, поскольку основные силы группировки располагаются в густонаселенных городах.

Очевидно, что для борьбы с исламистской угрозой нужна полномасштабная наземная операция. Проведение её единолично американцами, учитывая опыт иракской и афганской кампаний, невозможно.

Хотя после вторжения террористов в Ирак и захвата ими нескольких иракских провинций, Америка вместе со своими союзниками создала международную коалицию по борьбе против ИГ, тем не менее, действия США показывают неискренность в борьбе с ИГ.

Провал Вашингтона и союзников в свержении сирийского правительства и ослаблении шиитов в Ираке, а также проявление признаков опасности ИГ для самого Запада и его арабских союзников в будущем, привело к тому, что США начали реализовывать другой сценарий под эгидой «борьбы с ИГ посредством создания международной коалиции».

Можно рассмотреть цели, которые преследует Вашингтон, начав демонстративную борьбу против ИГ. Одной из этих целей является повторное возвращение в регион и активное военное присутствие в нем.

Обама неоднократно подчеркивал, что США намеревается бороться против ИГ максимум посредством воздушных операций и не собирается привлекать сухопутные войска для ликвидации этой террористической организации. Хотя и это обещание было исполнено не в полной мере. Можно сделать вывод, что США не намерены серьезно бороться с ИГ. Это подкрепляется реальными ситуациями. К примеру, поступают многочисленные доклады о воздушной доставке оружия отрядам ИГ, попавшим в окружении. Также известно, что американские пилотам в нескольких случаях не разрешали совершать удары по позициям ИГ. К тому же Тегеран открыто обвиняет США, Великобританию и даже Израиль в поддержке ИГ. При этом в распоряжении иранской разведки есть сведения о посадках военных бортов США на аэродромы, подконтрольные «Исламскому государству». [14]

Таким образом, можно сказать, что действия США против ИГ являются не кардинальными, а скорее демонстративными и совершаются максимум для нанесения контролируемых ударов по ИГ, с тем, чтобы в будущем Вашингтон мог воспользоваться этой группировкой как рычагом давления или поводом для присутствия в регионе.

Турция и ИГ. Особенность региона, где происходят вооруженные конфликты, в том, что Сирия является коридором, по которому должны проходить маршруты трубопроводов газа и нефти из Ближнего Востока в

Европу. Сирия в свою очередь не является нефтепроизводителем. Она важна Турции для осуществления своей энергетической стратегии. В планы Турции входит собрать как можно больше трубопроводов на своей территории и стать крупнейшим газораспределительным терминалом для Европы.

Несмотря на то, что Турция входит в блок НАТО, она не готова участвовать в операциях против ИГ. Правительство Турции считает, что эти воздушные удары коалиции не исправляют ситуацию на Ближнем Востоке. Такое противостояние лишь укрепляет кризис, что в последствии может сказаться и на Турции. Избегая прямого вооруженного вовлечения в конфликт, Турция рассчитывает таким образом предотвратить новый поток беженцев. Их количество на территории Турции достигло уже 1,6 млн человек. При этом правительство не получает помощи со стороны США, ООН и ЕС. Определенную роль играют непростые отношения между Ираном и Турцией, построенные на взаимном недоверии.

Помимо ЦРУ в ИГ заинтересованы и прочие спецслужбы стран как Запада, так и Ближнего Востока. Однако не всегда эта конкуренция и пересечение интересов бывает безобидным. Так, например, один из высокопоставленных членов ИГ Абу Убайда аль-Ма'риби был казнен своими же сотоварищами как агент британского МИ-6.

Выходец из Фаса, Абу Убайда аль-Ма'риби был главой службы безопасности ИГ в Алеппо, на севере Сирии, и в своё время отвечал за тюрьмы, где содержался один из казненных ИГ западных заложников Джеймс Фоули. Но самое интересное, что аль-Ма'риби планировал убийство лидера «Харараш-Шам» («Исламское движение свободных людей Шама») Абу Халита ас-Сури, которых, по некоторым источникам, курировала турецкая разведывательная служба МИТ (Служба Национальной Безопасности Турции). [15]

Турции занимает интересную позицию в данном кризисе. По задумке Запада, Турции, совместно с Саудовской Аравией и Катаром, отводилась роль некоего плацдарма для нападения на Сирию и надежного тыла для боевиков, где бы готовили новые кадры и лечили раненных. Изначально так оно и было. Турция щедро и открыто стала поддерживать оппозицию в отличии от прочих ее участников, надеясь на скорое свержение режима Б. Асада. Однако, несмотря на тайные операции соседних государств, информационную войну, развязанную против него турецкими СМИ, Асад не собирался сдаваться.

Турция, больше всех мечтавшая нажиться на этой аванюре, постепенно утопала в собственных проблемах, порожденных близорукостью собственных политиков. Правительство Эрдогана не безосновательно стали обвинять в поддержке радикалов. Но Эрдоган, постоянно расширяющий рамки своей власти, продолжал торговаться с Западом, одновременно пытаясь сохранить отношения с радикалами.

Вскоре стало известно, что на территории Сирии действует целый отряд, сформированный из числа отставных бойцов спецподразделений Турции. Причем сражается он в рядах не просто горных партизан, а в составе самого ИГ. Турецкие легионеры - это хорошо подготовленные наемники и получающие, в отличие от рядовых ИГ, куда более значительную плату. Они оказались на войне если и не по приказу, то уж точно с молчаливого согласия командования, и курируются структурами МИТ. В СМИ просочилась информация об этом отряде, после того как несколько бойцов этих подразделений попали в плен.

Однако, против войск Асада сражались также представители турецкого филиала «Аль-Каиды». Интересно, но даже и те члены этой организации, которые должны были отбывать тюремный срок, вдруг, по счастливому стечению обстоятельств, оказались на свободе под подпиской о невыезде. Позже их тела нашли в горячих точках соседнего государства.

Даже представители криминального мира Турции оказывали свою посильную помощь «Братьям-моджахедам». Угнанные на заказ машины из Турции переправлялись через границу в Сирию. Там ИГ «дорабатывал» их своими силами, монтировал вооружение и превращал их в боевые колесницы. Дело было поставлено на поток, а счет угнанным машинам шел уже не на сотни, а на тысячи. Естественно все это было не бесплатно и если учесть, что около двух тысяч машин турецких автолюбителей оказались в Сирии, то можно догадаться о масштабах прибыли от такого бизнеса.

Оружие, щедро поставляемое из Саудовской Аравии и Катара, также шло через Турцию. Более того, Турция и самостоятельно поставляла свое оружие в Сирию, а точнее продавала. Когда же в СМИ стала известна информация об этом и общественность вновь взбудоражилась, то самый оригинальный ответ прозвучал из уст министра торговли и таможни Хаяти Языджи. Министр, выступив с заявлением 15 декабря 2013 года, пояснил, что оружие продавалось Сирии для спортивных целей. Видимо, по мнению турецкого министра, гражданская война стала самым благоприятным

периодом для развития стрелкового спорта в стране, тогда как сирийцы самый спортивный народ во всем мире. [16]

Тем не менее, в связи с изменением военно-политической обстановки в регионе в 2014 году и созданием военной коалиции США против организации ИГ, турецкие аэродромы начались активно использоваться США для проведения воздушных ударов. Однако правительство Турции было больше сосредоточено на внутренних проблемах страны. С самого начала боевых действий группировки ИГ в Сирии в Турции можно было наблюдать подъем курдского населения, которые выражали желание оказать помощь курдам в Сирии. Особенно массовые волнения были вызваны осадой г. Кобани, Сирия. После этих событий через турецко-сирийскую границу хлынул поток беженцев, что было не выгодно правительству Турции. Большинство населения курдов требовало немедленной поставки вооружения в город и помощи беженцам. Наиболее радикально настроенные курды требовали немедленного ведения войск. Однако правительство Турции до сих пор избегает прямых вооруженных действий против ИГ из-за опасений роста сепаратистских настроений в Турции. Правительство не поддерживает режим Башар Асада, поэтому не желает поддерживать Сирию в борьбе с ИГ. Так же Турция опасается объединения курдов. Очевидно, что курды способны к продолжительному военному противостоянию, и в дальнейшем Турция возможно получит еще одну серьезную проблему для собственной безопасности. Во многих СМИ фигурирует изображение карты Ближнего Востока, на которой изображено непризнанное государство Курдистан. Курдское население расположено на территориях Сирии, Турции, Ирака и Ирана. В Турции сейчас нарастают внутренние проблемы, которые носят в себе террористическую угрозу.

Также курды обладают большой европейской диаспорой. Таким образом, можно увидеть, что перед Турцией стоит нелегкий выбор между дальнейшей поддержкой исламистских оппозиционных сил в Ираке и Сирии и вынужденной борьбой против них.

Сейчас Турция активизировала свои силы на двух фронтах: против «Исламского государства» и против курдских формирований в северной части Ирака. Такие военные операции стали ответом на террористические акты, произошедшие на территории Турции. Парадоксально, что ИГ и курды, которые подвергаются атакам Турции, по своей сути – оппоненты. Курды

пользуются поддержкой США и ЕС. Получается, что Турция выступает третьей стороной в этом конфликте.

Государства Персидского залива и ИГ. Стремительное продвижение организации «Исламское государство», которая сумела занять обширные территории в Сирии и Ираке, порождает множество вопросов, касающихся источников финансирования, имеющихся в распоряжении приверженцев самопровозглашенного халифа Абу Бакра аль-Багдади.

Бывший премьер-министр Ирака Нуриаль-Малики в июне 2015 года заявил, что за финансированием тогда еще «Исламского государства Ирака и Шама (Леванта)», захватившего к тому времени второй крупнейший город Ирака Мосул, стоят три государства – Саудовская Аравия, Катар и Кувейт. В западной печати, в том числе в весьма уважаемых изданиях, типа «Нью Йорк Таймс» (The New York Times), «Дейли Бист» (The Daily Beast), «Уолл Стрит Джорнал» (The Wall Street Journal), то и дело появлялись статьи, подтверждающие слова аль-Малики. Так, Джош Рогин в своей статье «Союзники Америки финансируют ИГИЛ» отмечает, что в течение нескольких лет определенные элитные круги каждого из трех государств Персидского залива занимались финансированием боевиков, воюющих в Сирии. [17]

Саудовская Аравия способствовала радикализации ислама на государственном уровне. Создав ваххабитское правительство, страна тем самым повысила градус внутриисламских настроений. Но, кроме этого, уже многие годы саудиты напрямую финансируют радикальные исламистские группы в разных странах. Начало этому было положено еще в Афганистане, когда после советской интервенции в эту страну саудиты начали оказывать афганским моджахедам денежную помощь. Некоторое время их спецслужбы даже сотрудничали с Усамой бин Ладеном. Это не только стало катализатором многолетней войны в Афганистане, но также послужило причиной образования исламского эмирата в соседнем Пакистане.

Уже тогда прослеживался светский характер исламского фундаментализма саудитов – то есть шариат по расписанию. Но чтобы добиваться своих целей, нужно было что-то еще, чего они в результате смогли добиться: союз со США и отдельными странами НАТО, который возникает как следствие каждого большого вопроса на Ближнем Востоке. Вот почему сейчас так редко кого-то в Белом доме или на Западе беспокоит состояние прав и свобод граждан стран Аравийского полуострова.

Целью арабских монархий является создание противовеса для так называемого шиитского полумесяца во главе с Ираном. Отсюда и финансирование сирийской оппозиции, ставшей частью ИГ, и борьба против хуситов в Йемене.

Можно сказать, что история с «Аль-Каидой» повторяется. В теории, ИГ может стать самой что ни на есть серьезной угрозой для Саудовской Аравии. При том, что самое большое количество боевиков в рядах ИГ — выходцы как раз из этой монархии, а правительственные войска теперь вынуждены участвовать в войне против боевиков на территории Сирии. По некоторым данным, Эр-Рияд прекратил финансирование ИГ и оппозиции во главе с «Фронтом ан-Нусра» («Аль-Каида в Сирии») примерно в начале 2014 года после раскола между этими двумя группировками.

Во-вторых, саудитам стоило бы серьезнее относиться к своим гражданам, которые финансируют ИГ или отправляются воевать на стороне джихадистов. О том, что в Эр-Рияде осознали провал в Сирии, свидетельствует и увольнение главы разведки в 2014 году, и решение судить за пособничество джихадистам. Но можно только предполагать, насколько это работает. Вряд ли можно серьезно рассчитывать, что это станет помехой для множества шейхов, которые желают свергнуть королевскую династию.

Двойную игру в происходящих событиях ведет Катар, который вступил в международную коалицию против «Исламского государства» и решительно отвергает всякие обвинения в поддержке боевиков. Однако деятельность «Исламского государства» в суннитском треугольнике выгодна и Катару, который также осуществлял поставки вооружений и финансирование данной организации. При этом его интересы лежат в двух плоскостях. С одной стороны, Катар планирует ослабить Иран и Сирию, которые совместно с Ираком накануне начала сирийской гражданской войны подписали трёхсторонний меморандум об экспорте и транзите иранского газа. Данный документ заблокировал проект строительства газопровода из Катара в Европу через территории Саудовской Аравии, Иордании, Сирии и Турции. С другой стороны, Катар стремится к усилению своих позиций в конкуренции за региональное лидерство с Саудовской Аравией, которая, наряду с Сирией, не дала своего согласия на транзит катарского газа.

В этих условиях Катар выступает дестабилизатором ближневосточного региона. Однако, учитывая, что численность армии Катара не многим более 12 тыс. военнослужащих, ни какой речи о собственной политике не может

быть. Еще несколько лет назад Катар числился в США в списке стран, сопричастных к терроризму и был исключен из него только благодаря тому, что предоставил свою территорию под американскую базу. Таким образом, рядом со столицей Катара расположена военно-воздушная база Эль-Удейд, где более 7,5 тыс. военнослужащих США несут службу. Поэтому в ближневосточном регионе голос Катара небезосновательно принимают за голос США. [18]

В тоже время амбиции нынешних правителей небольшого государства выходят далеко за пределы нахождения в орбите Саудовской Аравии. Между этими двумя государствами отношения были и остаются очень непростыми, во многом из-за поддержки Катаром организации «Братья-мусульмане» в Египте. Династия Саудитов рассматривает эту организацию как угрозу собственной власти, тем более идеи, отстаиваемые «Братьями-мусульманами», пользуются в Королевстве заметной популярностью. Поэтому помощь Катара этой организации рассматривается династией Саудитов в качестве вмешательства во внутренние дела собственной страны.

Согласно различным докладам, больше всего «меценатов» ИГ не в Саудовской Аравии, а в Кувейте, даже несмотря на то, что страна и не мечтает о лидерстве в регионе. Дело в том, что Кувейт не очень тщательно отслеживает финансовую деятельность различных фондов. Поэтому в 2012-2013 гг. из Кувейта в ИГ поступали миллионы долларов.

Вдобавок к этому есть свидетельства значительной денежной помощи, которая также исходит от некоторых состоятельных людей Кувейта, например, от крупнейшего предпринимателя Ганима аль-Мтейри.

Иран и ИГ. Стратегическое партнерство Сирии и Исламской Республики Иран является одним из основных факторов политической ситуации на Ближнем Востоке.

Интересы Ирана в Сирии вполне объяснимы. Со времен Исламской революции и установления Исламской республики, Иран оставался одним из ключевых соперников Саудовской Аравии в борьбе за лидерство на Ближнем Востоке. Прежде в регионе действовал и третий центр силы — арабские светские националистические режимы социалистической ориентации — Ирак и Сирия, которые имели поддержку СССР.

Иран выступает на Ближнем Востоке главным идеологическим, военно-политическим и экономическим противником Саудовской Аравии. Иран — это признанный лидер шиитского мира, имеющий авторитет

заступника их интересов в тех странах, где шииты находятся в меньшинстве. Для суннитских стран такие меньшинства представляют собой большую опасность, поскольку являются проводниками иранских политических и экономических интересов. В Саудовской Аравии шииты проживают в «нефтеносных» провинциях, что создает для правительства дополнительные угрозы экономическому благополучию страны в случае возникновения волнений на религиозной почве.

Опираясь на поддержку шиитских общин, Иран получает прекрасную возможность влияния на политику и экономику арабских стран Ближнего Востока и даже Турции.

В июле 2011 г. между Ираном, Ираком и Сирией было подписано соглашение о строительстве «Исламского газопровода» примерной стоимостью в 10 млрд долл. Некоторые эксперты полагают, что именно из-за этого Катар стал активнее поддерживать сирийскую оппозицию. Интересно отметить, что именно с июля 2011 г. начинается информационная война катарской телекомпании «Аль-Джазира» против правительства Б. Асада.

С конца 2011 г. Иран оказывает правительству Б. Асада существенную экономическую, военную и политическую помощь, позволяющую режиму оставаться у власти, несмотря на нарастающее давление со стороны внутренней вооруженной оппозиции и ее зарубежных покровителей (США, Турции, Катара, Саудовской Аравии, стран Евросоюза).

Мирное разрешение сирийского кризиса является жизненно важной задачей для ближневосточного региона.

В 2013 - 2014 гг. стали поступать сообщения из различных источников о появлении в Сирии бойцов элитного Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и дальнейшем росте их численности. В середине октября 2015 г. Иран активизировал помощь правительству Б. Асада в Сирии, увеличив воинский контингент на территории страны. В Сирию было отправлено тысячи иранских военнослужащих, в том числе КСИР. [19]

Соответственно, все «маски» были окончательно сброшены в 2015 г., когда подтвердились данные о гибели в Сирии четырех высокопоставленных иранских офицеров. Так, в январе в результате израильского авиаудара в районе Кунейтры погиб бригадный генерал Мохаммад Аллахдади, а в апреле в бою с сирийской оппозицией в 60 км южнее Дамаска у города Бусра аль-Харир был убит генерал-майор КСИР Хади Каджабаф. В октябре в ходе боестолкновения с боевиками ИГИЛ погибли генерал-майор Фаршад

Хасунизаде и бригадный генерал Хамид Мохтарбанд.

Новое усиление иранского военного присутствия в 2015 году обусловлено резким ухудшением ситуации для сирийского правящего режима, утратившего контроль как минимум над половиной территории страны и над двумя третями пограничных переходов.

Параллельно этому иранские «советники» в Дамаске резко усилили свое влияние на планирование и осуществление военных операций и в частности, разработали основы ведения боевых действий на ближайшую перспективу.

Во всяком случае, это указывает на серьезность иранских намерений по защите режима Б.Асада и готовность реально и непосредственно включиться в противостояние с суннитскими джихадистскими группировками.

Однако «за сценой» остается несколько важных моментов применительно к серьезному изменению стратегической ситуации для самого Ирана, который оказался в очень уязвимой ситуации.

Усиление иранского военного присутствия в стране одновременно означает принятие Тегераном дополнительной ответственности за судьбу Сирии, в которую он с начала 2000-х гг, вложил миллиарды долларов для расширения там своего влияния. Соответственно, следует ожидать с его стороны в ближайшее время расширения непосредственной и всесторонней помощи сирийскому режиму, дальнейшая судьба которого станет индикатором истинных возможностей Ирана по влиянию на развитие событий в регионе.

Иными словами, в конкретном случае наблюдается классическое искусственное втягивание Ирана в вооруженный конфликт за пределами его территории, чреватый для него определенными издержками. Для Ирана в лучшем случае грозит дополнительный расход ресурсов, которые могли бы быть использованы в других направлениях, и снижением активности в других значимых для него странах.

Например, та же Саудовская Аравия заинтересована в более глубоком вовлечении Ирана в сирийский кризис. В данном случае сроки свержения режима Б. Асада уходят на второй план. Первостепенным для Эр-Рияда является максимальное втягивание Ирана в иракско-сирийское «болото». От результативности данного процесса во многом будет зависеть и ситуация в Йемене. [20]

Дальнейшее затягивание сирийского кризиса, несомненно, чревато для Ирана и может иметь неблагоприятные последствия. Вместо сильного, дееспособного союзника, укрепляющего позиции ИРИ в арабском мире и обеспечивающего Тегерану выход к Средиземному морю, иранцы сейчас имеют дело с партнером, подвергающимся постоянным атакам вооруженной оппозиции и нуждающимся в значительной экономической и военной помощи.

Но в случае, если режим Б. Асада падет, позициям того же Ирана будет нанесен непоправимый урон. Именно эта нерадостная перспектива не оставляет у Ирана иных вариантов, кроме как выступления в поддержку Б. Асада.

Конкретно для Исламской республики Иран ИГ пока не представляет серьезной военной угрозы. Если бы речь шла о государственной безопасности, Иран ограничился бы контртеррористической операцией против экстремистов. Однако обстановка намного сложнее. Сейчас Иран борется не за безопасность своих западных границ, а скорее против трансформации ближневосточного региона. Цели Ирана и США в противостоянии ИГ абсолютно разные. Ирану важно сохранить целостность Ирака и не допустить интервенции в Сирии. И наконец, предупредить укрепление антишиитских и антииранских группировок под покровительством ИГ.

Таким образом, Иран и курируемая им ливанская шиитская партия «Хезболла», активно участвуют в вооруженном конфликте в Сирии на стороне правительственных войск президента Б. Асада и вносят определенный вклад в дело победы над ИГ и другими подобными организациями. Вместе с тем, говорить о полномасштабном вступлении Ирана в войну против ИГ и сирийской «оппозиции» пока преждевременно. Вряд ли Иран, обладающий собственными интересами на региональном уровне, будет в обозримой перспективе полностью вступать в конфликт, применяя в Сирии свои регулярные вооруженные силы. Исключением останутся отдельные подразделения Корпуса стражей исламской революции, которые уже воюют в Сирии. В то же время изменение военно-политической обстановки в регионе Ближнего Востока может привести к самым неожиданным последствиям. К примеру, поражение хуситов в Йемене может привести к переброске сил радикальных боевиков в Сирию и Ирак, а также к «освобождению» значительной части саудовской армии и финансовых

ресурсов, которые могут быть перераспределены для решения дел в Сирии — причем на стороне антиасадовской оппозиции.

Политика России в регионе в контексте борьбы с ИГ. В российском списке террористических организаций, которым запрещено осуществлять свою деятельность на территории страны, числится более десяти группировок. Каждая из них несет в себе потенциальную угрозу для национальной безопасности РФ. Наиболее актуальной и опасной террористической угрозой для России является «Исламское государство».

Долгое время террористы из ИГ находились в стороне от России, однако недавнее заявление одного из лидеров террористов насторожило россиян. Абу Мухаммад аль-Аднани объявил о создании новой административной единицы — вилайета на Северном Кавказе.

В обществе мгновенно возникли споры о том, насколько реальна угроза переноса мирового терроризма на территорию России, есть ли предпосылки к появлению исламских террористов на Северном Кавказе, и почему в последнее время россияне переходят в ряды боевиков.

День 23 июня 2015 года открыл новую страницу в истории терроризма в России. В сети распространилось заявление пресс-секретаря ИГ Абу Мухаммада аль-Аднани, в котором он сообщает о создании нового филиала террористов в России, который будет действовать на территории Северного Кавказа. Давние опасения о том, что «Исламское государство» объявит свои претензии на Северный Кавказ, оправдались.

Первые угрозы со стороны ИГ в адрес России были озвучены еще в сентябре 2014 года. Тогда террористы записали видеообращение для Владимира Путина, в котором заявили, что разожгут войну за освобождение Кавказа.

После этого сразу несколько лидеров террористов на Кавказе принесли присягу ИГ. Среди них значатся Сулейман Зайланабидов, Абу Мухаммад Кадарский и Абу Мухаммад Агачаульский. 21 июня 2015 года сторонники ИГ в России обратились к «Исламскому государству» за поддержкой. В обращении значились представители террористов в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии. Это четыре из шести регионов, которые составляют близкий к Аль-Каиде Исламский эмират Кавказ («Имарат Кавказ»; деятельность организации запрещена на территории РФ). Именно представители этих четырёх регионов чаще прочих производят атаки и теракты в поддержку нового эмирата, в котором, по их мнению, должен

главенствовать закон шариата и который должен объявить джихад всему остальному миру. Объявление ИГ стало особенно интересным в свете отсутствия в настоящее время лидера у эмирата. [21]

Сложившаяся военно-политическая обстановка в Ираке и в особенности в Сирии, связанная с активностью деятельность ИГ, привела к открытой военной поддержки РФ легитимного режима Б.Асада в борьбе против ИГ и других экстремистских организаций. Как заявил президент России Владимир Путин, группировка «Исламское государство» давно объявила Россию своим врагом. По мнению главы страны, единственно верный путь борьбы с международным терроризмом — это действовать на упреждение в Сирии.

Перед отправкой своих самолетов с Сирию Россия провела подготовку по формированию собственной коалиции для борьбы с «Исламским государством». Россия договорилась с Ираном, Сирией и Ираком о создании в Багдаде штаба по координации действий против ИГ. После того, как президент Сирии обратился с официальной просьбой о предоставлении военной помощи ВКС РФ получили разрешение на начало воздушной операции. Атака объектов ИГ производится на основе разведанных армии САР и штаба в Багдаде, в том числе с использованием беспилотных разведывательных летательных аппаратов, обеспечивая тем самым высокую результативность бомбардировок. По данным российского военного ведомства, только за первый месяц операции в Сирии было совершено более 1000 боевых вылетов и уничтожено более 1200 объектов ИГ (до 68% инфраструктуры ИГ), включая командные пункты в горах, перевалочные и опорные пункты, склады вооружений и военной техники, а также заводы по производству взрывчатых веществ, что позволило армии САР начать контрнаступление. В отличие от ударов западной коалиции, ВКС РФ совершают и ночные вылеты, что существенно нарушает систему логистики ИГ, не позволяя боевикам безнаказанно перемещаться от объекта к объекту под покровом ночи.

Россия в Сирии действует максимально открыто — определены как задачи, так и сроки операции (осуществление воздушной поддержки в ходе наступательных действий армии САР), а Министерство Обороны РФ выкладывает видео-отчеты об успешных вылетах в свободный доступ. Таким образом, Российская Федерация возвращается на Ближний Восток в качестве силы, объединившей вокруг себя Сирию, Израиль, Ирак, Иран с целью

недопущения полной дестабилизации региона. С такой силой придется считаться.

Как заявил президент РФ: «Мы, разумеется, не собираемся в этот конфликт с головой. Наши действия будут осуществляться строго в заданных рамках. Во-первых, мы будем поддерживать сирийскую армию исключительно в ее законной борьбе именно с террористическими группировками, во-вторых, поддержка будет осуществляться с воздуха без участия в наземных операциях». По заявлению правительства Россия будет осуществлять поддержку на срок проведения сирийской армией наступательных операций.

К тому же выступление президента РФ В.Путина на юбилейной 70-ой Генассамблее ООН также предельно четко обозначило позицию России по сирийскому вопросу. Тем не менее, намерение Москвы бороться с террористической группировкой «Исламское государство» в Сирии вызвало противоречивую реакцию у мирового сообщества, в первую очередь со стороны коалиции стран во главе с США.

В тоже время активное участие России в сирийском конфликте вызвало неоднозначную реакцию со стороны мирового сообщества. Тогда как Вашингтон заявляет об атаках ВКС РФ мирного населения и умеренной оппозиции, Европа, страдающая от наплыва беженцев, все больше меняет критику на одобрение в отношении усилий Москвы по противодействию террористам и урегулированию ситуации в Сирии. Конечно, нельзя полностью исключать вероятность перерастания опосредованной конфронтации России и США по проблемам САР во вторую «холодную войну». Однако трудно отрицать то, что Российская Федерация вновь заявляет о себе как о сильной мировой державе, проводящей независимую и в то же время прозрачную, соответствующую нормам международного права политику.

Следует подчеркнуть, что салафитская идеология ИГ – прямая угроза миру, чреватая массовым геноцидом шиитских групп. В перспективе «Исламское государство» способно установить своё влияние в Центральной Азии. Именно поэтому сейчас ведется работа по реорганизации и усилению роли ОДКБ. На саммите Совета коллективной безопасности этой организации, прошедшем в Душанбе 15 сентября 2015 г, основной темой стало противодействие террористической угрозе, которую несет ИГ этому региону.

Военно-политическая обстановка на иракском и сирийском ТВД как наиболее активной зоне деятельности ИГ ближневосточном регионе.

Иракский ТВД. Военно-политическая обстановка в Ираке как и прежде характеризовалась повышенной сложностью и напряженностью. Иракская правительственная армия, формирования шиитских добровольцев и некоторых суннитских племен, курдские силы «Пешмерга» при активной поддержке авиации США и их западных союзников вели боевые действия против вооруженных формирований экстремистской организации «Исламское государство» и поддерживающих её отрядов местных суннитских племен. Крупной неудачей иракской правительственной армии стал захват боевиками ИГ в мае 2015 года г. Рамади - административного центра западной провинции Анбар.

Территория контролируемая ИГ в ходе первой половины 2015 г.

Серьезные противоречия сохраняются между основными политическими силами Ирака, что препятствует объединению усилий для противостояния джихадистам. Напряженность присутствует в отношениях между суннитской и шиитской общинами. Целый ряд нерешенных проблем по-прежнему осложняют отношения между центральным правительством Ирака и властями иракской курдской автономии.

В истекшем периоде внешнеполитическая деятельность руководства Ирака и иракской курдской автономии отличалась высокой активностью. Большое внимание уделялось отношениям с соседними государствами, особенно с Ираном, а также с РФ. Активные контакты поддерживались с администрацией США. В мае 2015 года премьер-министр Ирака Хайдар аль-Абади посетил с визитом Россию. Руководство страны продолжало прилагать значительные усилия для получения зарубежной политической поддержки и материальной помощи, в первую очередь военно-технической и военной.

Эксперты подчеркивают, что захват силами ИГ города Рамади очередной раз продемонстрировало не только боеспособность этой террористической организации, но и некомпетентность властей Ирака, слабость правительственной армии. Отмечается, что после бывшего премьер-министра Нури аль-Малики нынешнее правительство Хайдара аль-Абади «фактически унаследовало руины. Страна погружена в конфликт между суннитами и шиитами. Армия не желает воевать. В Рамади, как и ранее в Мосуле, военнослужащие предпочли бежать, а не сопротивляться до конца».

Положение дел в сфере безопасности в Ираке остается очень сложным и нестабильным, а в целом ряде районов - напряженным. Военные действия различной степени интенсивности велись на западе, в северных, центральных, восточных и, отчасти, в южных провинциях страны. Причем в прошедшем квартале основные военные события происходили на западе страны - в провинции Анбар. В Ираке сохраняется высокий уровень террористической активности боевиков экстремистских группировок, прежде всего ИГ.

На севере Ирака, где против боевиков «Исламского государства» действуют преимущественно формирования курдских сил «Пешмерга», интенсивность боевых действий заметно снизилась. Бои велись в основном позиционного характера и заметных изменений на линии противостояния не произошло. Периодически силы противника предпринимали атаки на позиции курдских сил. Продолжались боевые действия в северной провинции Салах-эд-Дин, особенно в районе города Байджи и находящегося рядом с ним крупнейшего в стране нефтеперерабатывающего завода. Иракское командование 7 мая 2015 года объявило о начале масштабной операции по освобождению Байджи от боевиков ИГ. Однако, несмотря на значительное численное превосходство, военные и ополченцы не смогли добиться заметного успеха. Наступающие войска «столкнулись с такой же

системой тотального минирования и подземных тоннелей, которая была организована боевиками в Тикрите». Сообщается, что экстремисты, занимающие часть НПЗ в Байджи, заминировали и частично взорвали предприятие.

К июню 2015 года иракская армия при поддержке шиитского и суннитского ополчения взяла под контроль нефтяные месторождения Алас и Аджибь в 30-50 км к северо-востоку от Тикрита.

Бандформирования ИГ захватили эти нефтяные поля в июне 2014 года. В конце мая 2015 года в провинции Салах-эд-Дин от противника были освобождены районы Эль-Даджейль, Сейид-эль-Грейб, Эль-Исхаки, Эль-Касарат.

К северу от Багдада бои по-прежнему велись главным образом вблизи города Самарра, где боевики «Исламского государства» неоднократно атаковали позиции правительственных войск и шиитских добровольческих отрядов. В свою очередь, правительственные силы вытеснили противника из нескольких населенных пунктов юго-западнее Самарры.

Напряженность сохраняется в Багдаде. По информации западных СМИ, иракская столица является городом с самым высоким в мире уровнем террористической угрозы.

Активные боевые действия велись к западу от столицы, в то время как к югу и юго-западу от Багдада бои носили в основном позиционный характер.

Главные военные события в прошедшем периоде происходили в провинции Анбар. Здесь иракская армия и ополченцы потерпели серьезное поражение от вооруженных формирований «Исламского государства», которые захватили столицу региона Рамади.

Противник заблаговременно и тщательно подготовился к предстоящему наступлению. В первой половине мая руководство ИГ перебросило несколько тысяч боевиков, крупные партии оружия и боеприпасов из Сирии в Ирак. Джихадисты заявили, что «боевые действия в Ираке в настоящее время представляют наибольшую важность» для экстремистов. При этом основная масса людей и техники перебрасывалась именно в провинцию Анбар.

По оценке военных специалистов, «падение Рамади является худшим поражением Ирака за прошедший год с момента взятия Мосула. Во многом повторился кошмар июня 2014 года, когда части иракской армии

продемонстрировали полную профнепригодность: сдавались в плен, бросали позиции, оставляли противнику военную технику, поставленную американцами. Все опорные пункты правительственных сил в Рамади были легко захвачены. У их защитников быстро закончились боеприпасы, обещанное подкрепление не было прислано, и серьезного сопротивления отряды «Исламского государства» так и не встретили». Подчеркивается, что, несмотря на военно-техническую помощь, прежде всего, со стороны США, а также России, Ирана и некоторых других стран, «иракская армия так и не смогла стать реальной силой, способной самостоятельно противостоять исламистским формированиям и вернуть под контроль ранее утраченные территории».

Тем временем США и Ирак вступили в ожесточенную публичную полемику о том, кто виноват в поражениях иракской армии. При этом американцы винят во всем иракских военных, а иракское правительство - американских инструкторов.

Казалось бы, важную роль в боевых действиях против «Исламского государства» играет авиация США и их западных союзников. Вместе с тем, как показывает развитие военной обстановки, «бомбардировки сил международной коалиции позиций боевиков в Сирии и Ираке оказались малоэффективными. Джихадисты не только сохранили основные силы, но и нанесли тяжелое поражение иракской армии, захватив Рамади, и потеснили сирийскую армию, заняв Пальмиру. Бомбардировки позиций джихадистов в очередной раз (как и в Афганистане, и в Пакистане) показали, что одни ВВС не могут остановить иррегулярные войска». К тому же массированные удары авиация союзников наносит лишь в отдельных случаях.

В проведении военно-воздушной операции против «Исламского государства» на иракской территории принимают участие самолеты США, Великобритании, Франции, Австралии, Дании, Бельгии, Нидерландов, Канады и Иордании.

Правительство Ирака продолжает прилагать значительные усилия по восстановлению армии и повышению ее боеспособности с целью достижения успехов в борьбе с противником. При этом особое внимание уделяется улучшению технической оснащенности войск, насыщению их современными и эффективными образцами вооружения и военной техники, улучшению качества подготовки различных категорий военнослужащих.

Наиболее масштабную военную помощь Ирак получает от США,

которые остаются главным поставщиком вооружения и военной техники иракским вооруженным силам. Американцы также направили в Ирак большую группу военных советников и инструкторов для обучения местных военнослужащих.

Активно и масштабно развивается военное сотрудничество Ирака с Ираном. В ходе состоявшегося в мае 2015 года визита в Тегеран президента Ирака Ф.Маасума стороны подтвердили намерение продолжать это сотрудничество. В частности, Маасум заявил: «Военные советники из Ирана присутствуют на иракской земле, но только для того, чтобы оказывать помощь в организации боевых операций против ИГ». По словам иракского президента, «Иран играет особо заметную роль в борьбе Ирака с «Исламским государством». И это стратегическое сотрудничество будет продолжено». В ходе визита стороны обсуждали дальнейшее взаимодействие в области обмена разведывательной информацией, отправку иранских советников в Ирак, а также поставки оружия в контексте борьбы с террористами из ИГ. [22]

Командующий силами специального назначения «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции Ирана генерал Касем Сулеймани обвинил в бездействии американских военнослужащих, оказывающих помощь ВС Ирака. При этом он подчеркнул, что именно Иран был и остается единственной страной, которая намеревалась действительно вести борьбу с ИГ.

Все более значимую роль в вооруженном противостоянии с боевиками ИГ играют формирования ополченцев иракских шиитов. В то же время спикер парламента Ирака Салим Аль-Джабури (суннит) признал, что премьер-министр Хайдар аль-Абади не имеет полного контроля над этими формированиями. Эксперты обоснованно считают, что на сегодняшний день «Исламское государство» - «уже не обычный террористический отряд. ИГ ничем не отличается от организованной дисциплинированной военной силы. Они обладают современными вооружениями - от танков до ракет. Кроме того, они рьяно преданы делу, которому себя посвятили».

Госдепартамент США оценивает численность иностранных боевиков, воюющих в Ираке и Сирии, в 22 тысячи человек. Площадь территории, которую в настоящее время оккупируют вооруженные формирования «Исламского государства» в Ираке и Сирии, составляет около 300 тыс. кв. километров. [23]

Таким образом, в истекшем квартале 2015 года в Ираке сохранялась очень сложная и нестабильная военно-политическая обстановка. В стране продолжались боевые действия правительственных войск, шиитских и суннитских ополченцев, курдских военизированных формирований «Пешмерга» с вооруженными формированиями «Исламского государства». Активно действовала против сил ИГ авиация международной коалиции во главе с США. В то же время серьезные, принципиальные противоречия между основными политическими силами Ирака остаются не преодоленными, что самым негативным образом сказывается на объединении усилий для борьбы с экстремистами «Исламского государства».

Сирийский ТВД. К пятому году войны сирийская армия была значительно ослаблена тяжелыми боями с отрядами боевиков «Исламского государства» и «умеренной оппозицией», поддерживаемой американцами. По некоторым оценкам, к лету 2015 года верные правительству Б. Асада вооруженные силы имели не более 80 тыс. человек личного состава.

Война истощила и парк вооружений сирийской армии. Если в 2011-2013 гг. в боях участвовали в основном Т-72, то сейчас из-за нехватки бронетехники используются танки Т-55 и Т-54, большинство которых до начала войны находились на хранении. Сложная ситуация сложилась и в авиации: из довоенного парка у армии осталось около четверти самолетов и еще меньше вертолетов.

С начала 2015 года военно-политическая обстановка в Сирии оценивается как чреватая скорым падением режима Б.Асада. Этому способствовала потеря стратегически важного центра Идлиб. Переломным моментом кампании стал выход исламистов на оперативный простор в северной части провинции Алеппо. Основным условием такого развития событий стало достижение мирного соглашения между различными повстанческими группировками и их зарубежными спонсорами в лице Катара, КСА и Турции. При этом правительственные войска при поддержке отрядов ливанской «Хизбаллы» сумели сохранить коридор из долины Бекаа через Дамаск, Хомс и Хаму к Латакии и побережью, что позволяло обеспечивать материально-техническое снабжение правительственных войск в этих районах. Однако тенденция развития ситуации создавала условия для нарушения бесперебойного снабжения сирийской армии и центральной Сирии. К этому привело готовящееся наступление отрядов «Исламского государства» на Хомс и Хаму. При этом, по данным ЦРУ, у

правительственных войск было недостаточно резервов для усиления и прикрытия особо опасных направлений, не говоря уже о второстепенных направлениях в условиях большой разорванности фронта обороны. Также отмечалась неспособность Ирана каким-либо кардинальным образом повлиять на этот процесс даже с учетом переброски частей КСИР.

Военно-политическая обстановка в Сирии в середине 2015

В данной ситуации также имело место падение морального духа сторонников Б.Асада и их союзников из «Хизбаллы». До сих пор правительственные силы продолжали удерживать основные стратегические пункты (Дамаск, Латакию, Хомс), однако новые скоординированные действия противников Б.Асада могли очень быстро эту ситуацию изменить. Все это к середине 2015 года явно могло создать разрыв фронта в центральной части страны, изолировав Дамаск от севера страны, и поставить к осени на повестку дня вопрос о будущем государственном устройстве Сирии в послеасадовскую эпоху.

К моменту начала активной помощи России легитимному сирийскому руководству под контролем сил, верных правительству, оставалось меньше четверти территории страны - Дамаск, его окрестности, большая часть граничащих с Ливаном районов, стратегически важное побережье Средиземного моря, через порты которого в Сирию поступает военная и

гуманитарная помощь, а также несколько небольших анклавов в разных частях страны.

Пресловутая «умеренная оппозиция» удерживает в настоящее время два крупных района: один на израильско-сирийской границе, другой - прилегающий к Турции, где антиправительственными силами захвачены такие крупные города, как Алеппо и Идлиб. Значительную часть территории страны и первую очередь бассейн реки Евфрат захватили боевики ИГ. Кроме того, под контролем исламистов находится ряд важных коммуникаций в центре и на востоке Сирии. Они полностью контролируют границу с Ираком, где также удерживают ряд областей. Группировка "Джабхат ан-Нусра" перерезала трассу Дамаск - Алеппо в районе Идлиба. Наконец, значительный участок сирийско-турецкой границы находится под контролем ополчения сирийских курдов.

Пока российские ВКС проводили воздушную операцию и наносили удары по отрядам боевиков, их опорным пунктам, штабам и складам ГСМ на земле полным ходом шла подготовка к контрнаступлению сирийской армии.

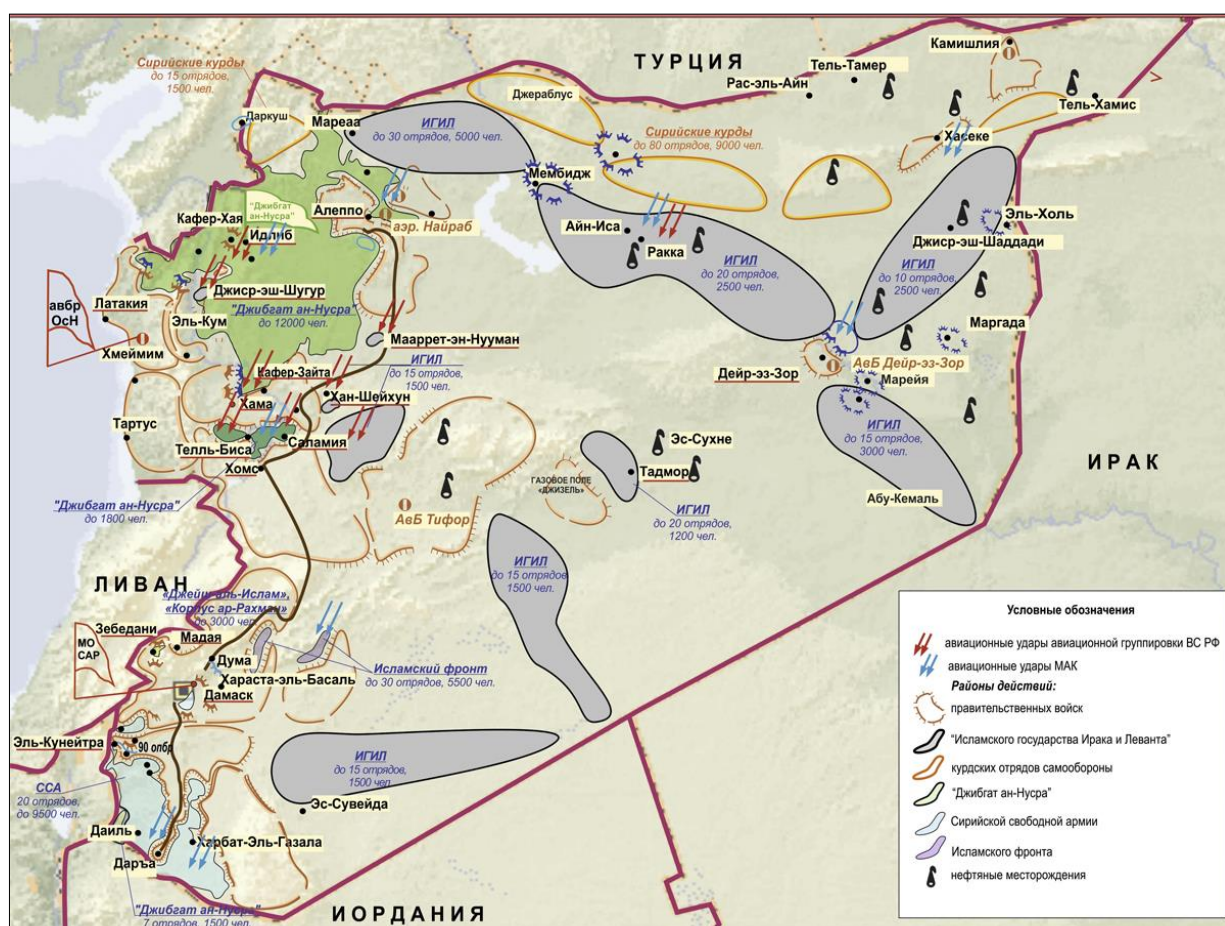
Основными районами развернувшихся активных боевых действий стали:

- север провинции Латакия;
- район Алеппо (южнее и северо-восточнее города);
- провинция Хама;
- на севере провинции Хомс;
- в районе Дамаска с целью отбросить от столицы вооружённые формирования;

Общий замысел наступательных действий был таков, чтобы серией одновременных ударов добиться восстановления полного контроля над западной частью страны.

8 октября 2015 года было объявлено, что новосозданный 4-й штурмовой корпус сухопутных войск Сирии начал наступление на севере провинции Хама, в долине аль-Габ и в горах северо-восточной Латакии. В ночь с 12 на 13 октября правительственная армия перешла в наступление в пригородах Дамаска. В этом районе основными «точками приложения сил» ассадовских и иранских войск стали районы Джабаар и Восточная Гута. Одновременно удары наносились с юга на север вдоль оси Хомс-Хама-Идлиб-Алеппо.

Главной горячей точкой осенней кампании на военной карте Сирии стал район Алеппо – первый по величине город Сирии, который ныне лежит в руинах, что ярко ассоциируется с боями за Сталинград. За город сражаются антиправительственные экстремисты, курды, армия Сирии и «Исламское государство». В этом районе впервые после длительного отступления правительственных войск началось основное противостояние армией Сирии и ИГ. Помимо успешного наступления на юго-запад от города против различных группировок мятежников, правительственные войска двинулись на юго-запад, параллельно шоссе, ведущему к г. Ракка, сирийской столице ИГ. Здесь в полном окружении сражается гарнизон авиабазы Кувейрис, на прорыв к которому наступали сирийские части.

Военно-политическая обстановка на сирийском ТДВ осень 2015 г.

Для того, чтобы разорвать кольцо блокады, оставалось пройти всего каких-то несколько километров, но в этот момент силы ИГ перешли к контратаке. Одним ударом они пытались с севера отрезать наступающие на Кувейрис силы, а другим, нанесенным значительно южнее, на востоке провинций Алеппо и Хама, вообще отрезать от столицы всю северную

группировку Сирийской Арабской Армии. Упорные бои здесь шли всю неделю и не принесли успеха ни одной из сторон. Тем не менее, на этом участке ИГ уже не смогло получить оперативно-тактическое преимущество. Все попытки контрнаступления были безуспешны.

Однако, в ходе подготовки и ведения наступления из-за того, что «невозможно быть сильным сразу везде и всюду» военное руководство допустило ряд ошибок, которые могли стать для всего наступления фатальными, а именно:

1. Ударные группировки сирийских правительственных войск были территориально весьма чувствительно разнесены, что в результате наступления выявило проблемы взаимодействия;

2. Из-за ограниченности в силах и средствах командование «правительственных» войск вынуждено было сильно ограничить свои ударные группировки в резервном компоненте (в результате наступление вылилось в серию лобовых атак, не получивших дальнейшего развития даже в случае их успешности — при весьма высоком уровне потерь просто нечем наращивать преимущество)

3. При планировании наступления не были учтены в достаточной мере несколько факторов:

— резкое наращивание военной помощи противостоящим формированиям повстанцев со стороны западной коалиции и коалиции стран Персидского залива, в первую очередь в противотанковых средствах;

— проблемы и трудности с тыловым обеспечением (учитывая высокую потребность войск, подразделения тылового обеспечения в должной мере не справляются. Войска ведут тяжёлые встречные бои и расходуют большое количество боеприпасов, топлива и запасных частей, а подвоз во многих случаях затруднён, не говоря уж про то, что иногда и нечего везти);

— трудно назвать высоким морально-психологическое состояние сирийских правительственных сил — личный состав быстро выдыхается из-за тяжелых боев и больших потерь;

— взаимодействие между собственно сирийскими войсками и иранскими частями и отрядами «Хезбаллы» также отработано не в полной мере.

В результате этих недочетов и ошибок наступление правительственных войск и других противостоящих сил в ряде направлений остановлено контрударами ИГ.

Тем не менее, несмотря на допущенные недочеты в подготовке и ведении наступательных операций, результатом октябрьского наступления стало освобождение 50 крупных населенных пунктов армией Б.Асада при поддержке ВКС РФ. В районе Алеппо было освобождено 19 населенных пунктов, в провинции Латакия 9, в центральной части страны в результате активных действий сирийская армия освободила 12 городов и развила наступление в северном направлении. В провинции Хомс в результате наступления правительственных войск и подразделений народного ополчения удалось взять под контроль город Снейсель и блокировать крупные бандформирования в населенных пунктах Дар-эль-Кабира, Сем-Али, Тейр-Маала в целях их последующего уничтожения. Имеется значительный успех в районе Дума и Нула.

При этом следует отметить, что все действия армии тщательно координировались с действиями российской группировки, которая наращивала количество самолетовылетов (их среднее значение в сутки составило 70 к 12 октября и продолжало увеличиваться в последующие недели).

По данным Министерства обороны РФ, за месяц российские самолеты выполнили 1391 боевой вылет. Удары были нанесены по 1623 объектам боевиков, среди которых 249 штабов различных уровней и узлов связи, 51 учебный лагерь, 131 склад, 35 производственных мастерских, 371 боевая позиция, 786 лагерей и баз.

Благодаря такой интенсивности действий боевой авиации РФ, террористы понесли существенные потери. Была нарушена система управления и снабжения бандформирований, создававшаяся в течение последних лет, значительно разрушена инфраструктура, которая использовалась для подготовки новых террористов. Именно полное превосходство российской авиации в воздухе и наращивание количества наших мощных бомбовых и ракетных ударов по важнейшим объектам военной инфраструктуры противника позволило сирийской правительственной армии перейти от обороны к наступлению. Вооруженные формирования ИГ и «Джабхат ан-Нусра» утратили инициативу и были вынуждены по всему фронту перейти к оборонительной тактике.

В общей сложности на момент середины ноября, в результате авиаударов погибло, по данным западных военных источников, не менее 7-8 тыс. исламских боевиков, многие из которых – командный состав. Подтверждено уничтожение трех видных полевых командиров исламистских бандформирований, убитых в результате ударов ВВС Сирии. Среди них, в частности, главарь филиала «Джабхат ан-Нусры» группировки «Сарайя ат-Таухид валь-Джихад» Абу Муаз аш-Шам (боевой псевдоним). На днях уничтожено еще 7 видных полевых командиров из группировок, связанных с «Аль-Каидой». В частности, это Абу Али ан-Наими и Ашраф Джамиа аль-Мухейр («Харакат Ахрар аш-Шам»), Абу Муаз аш-Шаами («Джибхат ан-нусра»), Салех Синда («Джейш аль-Ислам»), Укаба Абу Ахмад («Ливаа Умар аль-Фарук»). [24]

Уже к 10 ноября сирийским войскам удалось прорвать почти трехлетнюю блокаду авиабазы «Квайрес» вблизи Алеппо. В общем можно отметить, сирийская армия, несмотря на повсеместные контратаки противника, наступает медленно, но верно!

С военно-стратегической точки зрения действия ВКС помогли ликвидировать опасность прорыва отрядов боевиков к средиземноморскому побережью Сирии. Была решена задача-минимум: снята угроза российскому пункту материально-технического обеспечения в Тартусе и аэропорту Хмеймим, через который доставляется помощь сирийским вооруженным силам. Командование ВМФ России недавно объявило, что в порту Тартуса заканчиваются дноуглубительные работы, благодаря чему в него смогут заходить крупнотоннажные суда. Из этого следует, что объем помощи Сирии возрастет, а сам Тартус приобретет стратегическое значение.

С военно-политической точки зрения действия российской авиагруппировки стабилизировали положение сирийской армии, сорвав планы тех, кто рассчитывали на ее поражение с последующей ликвидацией Сирии как государства.

Россия перехватила стратегическую инициативу в борьбе с исламским терроризмом на сирийском ТВД у США и их союзников. Коалиция во главе с США за время боевых действий в Сирии (к слову, которые длились больше года) нанесла по объектам террористов более 6,5 тыс. ракетно-бомбовых ударов, но в итоге оказалось то, что продолжавшие наступление формирования ИГ и «Джабхат ан-Нусры» установили свою власть почти на 75% сирийской территории. Россия же за месяц нанесла ракетно-бомбовых

ударов в три раза меньше, но при этом помогла армии Б. Асада вернуть 25-30% оккупированной территории.

До решения задачи-максимум - полного разгрома террористов на территории Сирии, создания условий для налаживания мирной жизни и перехода к восстановлению страны – еще далеко, но главное, что на сирийских фронтах произошел перелом.

Подводя итоги, можно сказать, что применение российской авиации в Сирии было неожиданным и эффективным. Высокую оценку у зарубежных военных аналитиков получили и действия российского флота, выполнившего силами Каспийской флотилии успешные пуски крылатых ракет «Калибр» по объектам террористов. Операция ВКС оказалась успешной не только в военном отношении – она также принесла крупный политический успех.

Одновременно с активными наступательными действиями правительственных войск Сирии, американцы против ИГ сформировали новый альянс в Сирии, который начал действовать на севере страны – «Демократические силы Сирии» или как его еще называют «Буркан аль-Фурат» («Вулкан Евфрата»).

В его состав вошли подразделения народной самообороны курдов (YPG, боевое крыло курдской левой партии «Демократический союз» - «СП»), силы христиан-ассирийцев («Ассирийский военный совет»), а также Сирийская арабская коалиция - объединенные подразделения сирийской оппозиции, которые поддерживают США, в первую очередь - остатки Сирийской свободной армии: такие малоизвестные группировки как «Джейш аль-Туувар» и др. На эмблеме военной коалиции изображены символы YPG и ССА, разделенные водами Евфрата. [25]

По некоторым данным, в ближайшем будущем планируется наступление на Ракку, фактическую столицу ИГ. Силы, выделенные для выполнения данной операции, находятся в 35 км от города. Сейчас «Вулкан Евфрата» уже начинает подготовку к боевым действиям против ИГ в районе города Джераблус, который является проходом на территорию Турции. Все остальные шоссе, которые идут к г. Ракке уже заблокированы «Демократическими силами Сирии». Необходимо отметить, что для того, чтобы сформировать эту коалицию, США ранее отправили к курдам своих военных советников, а потом «случайно» сбросили в тот район 50 тонн боеприпасов.

Помимо сугубо пропагандистской задачи показать, что США реально воюют с ИГ в Сирии, такой шаг имеет и четкую политическую задачу - создать для «умеренной оппозиции» некий плацдарм на территории Сирии, чтобы потом выступать на переговорах, имея реальную силу на сирийской земле. Чтобы справиться с такой задачей, одних военных советников и инструкторов ЦРУ не достаточно - необходимы подразделения спецназа Пентагона.

Таким образом, можно предположить, что обсуждаемое заявление главы Пентагона может служить своего рода «легитимизацией» уже присутствующих на территории страны подразделений сил специальных операций для их последующего применения.

В целях усиления сирийской оппозиции произошло перебазирование американского командования Combined Joint Special Operations Task Force-Syria (CJSOTF-S) на базу «Аль-Удейд» в Катаре, которое официально подчиняется US Special Operations Command (USSOCOM) - отвечает за тренировку и экипировку боевиков сирийской оппозиции. [26]

Командный центр CJSOTF-S в Катаре будет координировать поставки из США и с баз Пентагона оружия для противников Асада. За финансирование данных операций отвечает Саудовская Аравия. Штаб также возьмет на себя синхронизацию наземных сил оппозиции с действиями 39-го авиакрыла ВВС США, которое базируется на базе "Инджирлик" в Турции.

На дипломатическом фронте главным событием стало продолжение переговоров в Вене. Если на первом заседании присутствовали всего четыре страны (Россия, США, Саудовская Аравия и Турция), то в конце октября 2015 года в заседании приняли участие уже 19 делегаций, включая Иран, а также присоединившийся буквально в последний момент Китай. На переговорах удалось убедить Катар, Саудовскую Аравию и Турцию отказаться от требования немедленного ухода Б.Асада, как это ранее уже произошло с дипломатией стран Запада. Теперь речь идет о некоем переходном периоде, в течение которого они готовы терпеть Б.Асада. Впрочем, такое изменение позиции проще всего объяснить тем, что с момента начала российской военной операции никакого скорого падения режима в Сирии больше не предвидится. Россия же продолжает настаивать на том, что судьбу Б. Асада может решить только народ Сирии на выборах. Как проходить этим выборам, какие условия должны быть соблюдены, кто может в них участвовать и какие конституционные изменения ждут страну –

все это также обсуждалось в ходе семичасовых переговоров. Во время данной встречи РФ и Саудовская Аравия обменялись списками оппозиционных организаций, которые каждая из сторон считает «умеренными», «патриотическими» и отличает от террористов. Именно согласование этих позиций определит, с кем Б.Асад будет вести переговоры.

Следует также отметить, что за весь интенсивный период боевых действий на территории Ирака и Сирии зоны боевых действий покидало большое количество людей. Например, из Сирии выехало почти 4 млн. чел.

Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу Гутерриш заявил: «Это самый большой контингент беженцев из очага одного конфликта за все последнее поколение». [27]

Маршруты перемещения сирийских беженцев

Основная часть сирийских беженцев находится в Ливане, Иордании, Ираке, Египте и Турции. Более 278 тыс. сирийцев обратились с просьбой о предоставлении убежища в европейских странах. Кроме этого, прослеживается и миграция граждан внутри Сирии. Ведомство напомнило, что еще 7,6 млн сирийцев, вынужденно покинувших свои дома, находятся на территории Сирии и являются внутренне перемещенными лицами. Они не смогли выехать за пределы страны. [28]

Между тем обстановка на информационном фронте в глобальной сети интернет также претерпевает изменения. Российские боевики и выходцы из

стран Центрально-Азиатского региона СНГ, сражающиеся в рядах ИГ, «Аль-Каиды» в Сирии и Ираке, постепенно стали исчезать из информационного пространства социальных сетей.

Еще несколько месяцев назад на личных страницах боевиков и на пропагандистских страницах экстремистских группировок в социальных сетях «Одноклассники» и «В Контакте» можно было обнаружить множество сообщений с призывами вступить в ряды экстремистов. Но сейчас многие страницы закрыты или просто прекратили всякую деятельность. Возникает вопрос: куда пропали все боевики?

Возможными объяснениями могут быть непрекращающиеся закрытия страниц, в особенности на сайте «В Контакте», а также опасения боевиков, что наиболее эффективные службы безопасности стран СНГ (России, Казахстана и Узбекистана) могут вести за ними мониторинг.

Другими причинами могут быть увеличение смертности боевиков как вследствие текущих боевых действий, так и в следствии эффективных ударов российской авиации. Также причиной мог послужить переход на новые и более безопасные сервисы, такие как Telegram Messenger.

За последние месяцы «Исламское государство» перевело как минимум часть своей работы по пропаганде и вербовке на службу мобильных сообщений Telegram. Не так давно страницы открыли также русскоязычные и центрально-азиатские боевики из группировок, связанных с ИГ и «Аль-Каидой». В Telegram сейчас есть как минимум четыре официальные или полуофициальные русскоязычные новостные страницы - IS News, Sham Today, Furat Media и Voenkor. В социальной сети Twitter на этой неделе объявили о создании официальной страницы IS News как официальной русскоязычной группы ИГ в Telegram. [29]

Страницу Sham Today открыли 23 сентября 2015 году и пока на нее всего за октябрь подписалось 21 человек. Furat Media кажется новым проектом. С лета Furat действовала как де-факто официальный российский пропагандистский канал. Его неоднократно закрывали в Facebook и Twitter и в конце концов изгнали из сети "В Контакте".

Другие группировки из бывшего Советского Союза недавно также создали платформы в Telegram. Узбекская группировка «Тавхид валь Джиход», присоединившаяся к сирийскому подразделению «Аль-Каиды», создала группу в Telegram, которая позволяет ей передавать сообщения

своим подписчикам, а связанный с «Талибаном» Имам Бухари Джамаат ведет свою личную страницу.

Существует несколько объяснений, почему выходцы из РФ и стран Центральной Азии предпочитают Telegram для вербовки и пропаганды. В первую очередь это связано с безопасностью - Telegram дает возможность проводить «секретные чаты» с применением конечной шифровки, поэтому вербовщики могут свободно общаться с возможными новобранцами или донорами. На этой неделе публицист и вербовщик сирийского подразделения «Аль-Каиды» - «Фронта аль-Нусра» - Абу Рофик посоветовал новобранцам связываться с ним лично через его страницу в Telegram.

Telegram привлекает и тех вербовщиков, усилиям которых мешают частые запреты на сети «В Контакте». В службе мобильных сообщений объявили, что запросы в отношении чатов и групповых чатов приниматься не будут, поскольку те являются «частной территорией их участников». Поэтому вербовщики, подобные Абу Рофику, не будут запрещены. Тем не менее, Telegram рассмотрит запросы на закрытие публичных чатов, на которые поступают жалобы, особенно под тегом «террористические».

Заметное снижение активности боевиков на сайтах «В Контакте» и «Одноклассники» также отчасти может быть результатом повышенной смертности боевиков, особенно в последние месяцы как следствие эффективных ударов ВКС РФ. Это особенно заметно среди таджикских боевиков работающих в социальных сетях.

ИГ не публикует данные о смертности среди боевиков, поэтому невозможно узнать, сколько лиц различных национальностей погибло. Однако есть основания утверждать о значительных потерях среди боевиков ИГ за прошедшие месяцы после проведения наступления ИГ в Байджи в Ираке. Опубликованные русскоязычными боевиками летом и ранней осенью некрологи в социальных сетях показывают, что большое число новобранцев ИГ было направлено в Байджи как «пушечное мясо». Не связанные с ИГ источники в Сирии утверждают, что наступлением в Байджи руководил этнический чеченец Умар Шишани, известный тем, что посылает массу неопытных боевиков навстречу смерти. [30]

В апреле 2015 года боевики ИГ из руководимого чеченцами отряда «Аль-Акса» непреднамеренно раскрыли месторасположение тренировочного лагеря в Мукла Кабир в провинции Ракка, забыв выключить услугу геолокации на опубликованной фотографии в сети «В Контакте».

При этом некоторые боевики удалили свои страницы в сетях «В Контакте» и «Одноклассники», опасаясь того, что если они выдадут свое местоположение или номера мобильных телефонов, то они могут попасть под авиационные удары России или США. Возможно, именно поэтому был издан внутренний приказ об удалении страниц боевиков в социальных сетях.

В то же время, на развитие военно-политической обстановки на иракском и сирийском ТВД может повлиять ситуация и в Йемене. К примеру, поражение хуситов в Йемене может привести к переброске сил радикальных боевиков в Сирию и Ирак, а также к «освобождению» значительной части саудовской армии и финансовых ресурсов, которые могут быть перераспределены для решения дел в Сирии — причем на стороне антиасадовской оппозиции.

С учетом складывающейся военно-политической обстановки в Йемене, можно пока предположить развитие нескольких сценариев.

Первый сценарий – это разделение Йемена на две части – южную и северную. Подобное разделение уже имело место в Йемене в шестидесятых годах XX в. во времена господства Британской империи в Южном Йемене.

Второй сценарий – это сохранение единства Йемена с установлением марионеточного режима. Подобный сценарий развивался в период правления Али Абдуллы Салиха. Этот сценарий выгоден для Саудовской Аравии, так как влияние этой страны на Йемен сохранится и значительная часть саудовской армии и финансовых ресурсов может быть перераспределена для решения дел в Сирии, как уже отмечалось, на стороне антиасадовской оппозиции.

Третий сценарий – это создание смуты и нестабильности в стране. Однако этот вариант событий будет иметь негативные последствия для Запада. Это связано с тем, что дестабилизация Йемена может повлиять и распространиться на весь Аравийский полуостров и перекинуться далее на Африканский рог. Тем самым Баб-эль-Мандебский пролив подвергнется угрозе. К тому же нестабильность в Йемене будет означать усиление мощи «Аль-Каиды». В таких условиях США будет легче оправдать свое присутствие в Йемене под предлогом борьбы с «Аль-Каидой». И возможно, США удастся привлечь на свою сторону мировую общественность в этом деле.

Влияние деятельности ИГ на безопасность РФ и состояние стабильности в СНГ целом. «Исламское государство» и, как следствие, кризис ближневосточного региона стали сегодня проблемой для всего международного сообщества.

Тот факт, что количество зарубежных боевиков, начиная с 2013 года в ИГ продолжает расти, означает, что исламский экстремизм распространился далеко за пределы Ближнего Востока. Военные успехи ИГ невозможны без постоянного пополнения добровольцами. Основной поток иностранцев идет в основном из районов, прилегающих к региону военных действий. Эта проблема коснулась и Российской Федерации.

Процент выходцев из России и стран постсоветского пространства довольно высок, что является усиливающим фактором дестабилизации обстановки в будущем. Возвращение таких боевиков на родину в дальнейшем может стать серьезной проблемой, так как такие экстремисты вполне могут подорвать внутреннюю безопасность стран.

Данные о численности россиян находящихся в ИГ неоднозначны. Например, по данным спецслужб, в ИГ воюют около двух тысяч граждан, имеющих паспорта РФ. По некоторым экспертным оценкам, их число приближается к пяти тысячам. Такое различие в цифрах основано на том, что часть сведений по гражданам подтверждена документально, а часть находится в стадии проверки, которой заняты сейчас спецслужбы и правоохранительные органы.

В марте 2015 года полномочный представитель президента в Северо-Кавказском федеральном округе Сергей Меликов заявил, что в рядах ИГ находятся до полутора тысяч выходцев с российского Кавказа.

До начала военной операции России в Сирии, направленной против террористических организаций, ИГ была угрозой «завтрашнего дня», что не делало ее менее опасной. Это было связано с тем, что РФ не имеет непосредственных границ с территориями, контролируемые ИГ. К тому же «Исламское государство» окружено сильнейшими государствами исламского мира: Турцией, Ираном и Саудовской Аравией, некоторые из которых хоть и оказывают косвенную поддержку организации, но все же не готовы стать кирпичами в строении грядущего халифата.

В отдаленной перспективе деятельности ИГ на территории РФ могло бы способствовать наличие двух факторов: мусульманское население в

Поволжье и на Кавказе, а также существование террористического подполья в стране других экстремистских организаций.

На сегодняшний день приток боевиков в «Исламское государство» объективно ведет к оттоку экстремистского слоя из России и постсоветской Центральной Азии. Опасность такие выходцы начнут представлять только по возвращению на родину. Во-первых, в этом случае изменится баланс сил в радикальном подполье. Во-вторых, возвращение людей с опытом войны может привести как к созданию новых форм объединений различных группировок радикального исламистского направления, так и к активизации террористической деятельности в целом.

Если количество вернувшихся составит 200-400 человек, это не снизит вероятность угрозы. Даже 50–70 опытных боевиков с высоким уровнем подготовки, опираясь на уже созданное «гражданскими» подполье, вполне смогут дестабилизировать областной и районный центр.

Стратегия ИГ имеет множество направлений. Одним из самых опасных является сотрудничество с другими организациями. Можно наблюдать, как разбросанные по всему миру радикальные группы встают под флаги ИГ, но формального объединения не происходит и они действуют самостоятельно. Например, структурных подразделений «Имарата Кавказ» полностью присягнули лидеру «Исламского государства» Абу-Бакру аль Багдади. И боевики вилайатов Дагестан, Нохчийчоь (Ичкерия), Галгайче (Ингушетия) и Кабарды, Балкарии и Карачая едины в этом решении. [31]

Несмотря на то, что выходцев из России больше, чем в других странах, процент боевиков из СНГ также вызывает беспокойства. Их возвращение на родину в страны Центральной Азии в дальнейшем может стать серьезной проблемой, так как такие экстремисты вполне могут подорвать внутреннюю безопасность стран Содружества.

В этом отношении ИГ, например, стало сотрудничать с «Исламским движением Узбекистана» (ИДУ), основной базой которого является Пакистан и Афганистан. Они рассчитывают на смену власти Афганистана, а главными мишенями для них являются Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан, где они рассчитывают построить собственное исламское государство, собственный халифат. При худшем сценарии, если ИГ распространится далеко за пределы контролируемой территории Сирии и Ирака, произойдет организационное объединение с одним центром управления.

Вербовочная деятельность ведется также на территориях Северного Кавказа и Центрально-Азиатского региона. Все больше граждан таких в экономически благополучных государствах, как Азербайджан или Казахстан встают под знамена «Исламского государства». Руководство ИГ выделяет по меньшей мере 70 млн долларов на дестабилизацию ситуации в Центральной Азии. В структуре ИГ существует боевая группа «Мавераннахр», в которую входят боевики и добровольцы из таких стран, как Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. 26 сентября 2014 года лидер экстремистской организации «Исламское движение Узбекистана» Усман Гази заявил об объединении с ИГ, что неоспоримо несет в себе опасность для Центрально-Азиатского района.

Усиление ИГ в Центрально-Азиатском регионе может еще более дестабилизировать обстановку в постсоветском пространстве. Наиболее уязвимыми считаются Таджикистан и Туркменистан из-за их непосредственной близости к Афганистану. Боевики ИГ проникают на территорию Афганистана и концентрируют свои силы в северной части страны, непосредственно на границе со странами СНГ.

На сегодня, наряду с активизацией движения «Талибан» в северных провинциях страны, можно наблюдать и отряды, присягнувшие ИГ. По заявлению генерального секретаря ОДКБ Николая Бордюжи, на территории Афганистана присутствуют боевики террористической организации «Исламское государство». В недавнем своем интервью глава ОДКБ заявил, что в лагерях в районе афгано-пакистанской границы ведётся подготовка боевиков, которых в дальнейшем отправляют в Сирию и Ирак на боевую стажировку.

Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа выразил опасения в связи с полученной информацией о том, что среди исламистов, проходящих подготовку в подобных лагерях, есть и выходцы из стран ОДКБ, готовые участвовать и в дестабилизации обстановки у себя на родине в случае получения соответствующих распоряжений. [32]

На сегодняшний день военно-политическая обстановка в Афганистане и в особенности в его северных провинциях граничащих со странами СНГ (Таджикистаном, Узбекистаном, и Туркменией) резко обострилась. Например, в провинции Кундуз, которая граничит с Таджикистаном, происходят постоянные столкновения, боевики отдельными группами пытаются проникнуть и в соседние северные провинции в Балх и Фаряб. В

провинции Мазари-Шариф армейские американские части постепенно заменяются на спецназ, который должен быть размещен на военной базе на постоянной основе, однако этот процесс еще далек от завершения. От Кундуза до провинции Балх, которая граничит уже с Узбекистаном, совсем близко. Напротив расположен узбекский город Термез, однако он достаточно укреплен и туда стягиваются узбекские войска. Существуют определенные преимущества в контроле над обстановкой в приграничных районах Афганистана: р. Амударья является серьезным препятствием, узбекский участок границы невелик и находится в тактическом плане выше уровня афганской территории. Однако существенно то, что если боевики дойдут от Кундуза до Балха, север Афганистана будет полностью отрезан от остальной страны. Таким образом, они соединятся с силами, которые сосредоточены в провинции Фарьяб.

Начиная с 2015 года, в Афганистане все интенсивней проявляются признаки структурно-политической трансформации проекта «Исламского государства». Осенью 2014 года на пакистанской и афганской территории появились отдельные вооруженные сторонники «Исламского государства», главным образом, из числа арабов, пакистанцев, таджиков, узбеков, уйгуров. Сегодня ИГ превращается в серьезную военно-политическую организацию. Группировку все сильнее контролируют представители именно пакистанского «Талибана», которых четко курирует пакистанская межведомственная разведка ISI. При этом следует отметить, что активное формирование ячеек «Исламского государства» на афганской территории совпало по времени с началом крупномасштабной и многомесячной операции пакистанских вооруженных сил «Зарб-е-Азб» в декабре 2014 года против талибов, базирующихся на территории Пакистана. Итогом этой военной операции стало вытеснение их из Вазиристана и Белуджистана на территорию Исламской Республики Афганистан (ИРА). Именно после перехода из Пакистана в Афганистан пакистанские талибы стали активно присягать на верность халифу «Исламского государства» Абу Бакру аль-Багдади. [33]

Фактически, переход пакистанских талибов под «юрисдикцию» ИГ стал формой их политической легализации на территории Афганистана.

Легализация пакистанских талибов в Афганистане сопровождалась активной кампанией пропагандистской службы ИГ, направленной на афганских талибов. Присягнувшие аль-Багдади Хафиз Саид Хан и его

пакистанские соратники, тем самым, не только дезавуировали собственную прежнюю присягу лидеру афганского Талибана мулле Мохаммаду Омару Муджахиду (до конца июля 2015 года, когда было официально объявлено о его смерти, мулла Омар считался высшим руководителем как афганского, так и пакистанского Талибана). Они также развернули агитационную кампанию за «переприсягание» афганских талибов «Исламскому государству». На практике это означало фактическое переподчинение присягнувших ИГ полевых командиров и боевиков афганского «Талибана» бывшим лидерам пакистанских талибов.

По данным афганских властей, число боевиков присягнувших ИГ в стране достигает уже 4-5 тысяч. События там развиваются значительно быстрее, чем можно было предположить. Начиная с августа 2015 года, операции силовых ведомств Афганистана не дали должных результатов по зачистке этих территорий от отрядов ИГ и движения «Талибан».

Если пропагандистам ИГ удастся добиться своей цели и дискредитировать руководство афганского «Талибана», то следует до конца 2015 года ожидать резкого увеличения численности формирований «Исламского государства» в Афганистане.

По некоторым оценкам, к началу 2016 года число боевиков «Исламского государства» в Афганистане может увеличиться с нынешних 4-5 тыс. человек до 15-20 тыс. человек.

Очевидно, что с таким количеством бойцов ИГ сможет начать планировать крупные операции не только в Афганистане, но и в странах Центральной Азии.

Из стран СНГ, граничащих с Афганистаном, полную готовность и решимость воевать с любым противником, который попытается дестабилизировать ситуацию, демонстрирует только Узбекистан. В соседнем Туркменистане ситуация воспринимается не столь тревожно. Его граница укрепляется, проводится переподготовка личного состава и сборы резервистов, однако военно-политическое руководство страны и вооруженные силы не имеют того практического опыта ведения военных действий против исламистов, который есть у Ташкента. Если во времена правления С.Ниязова, когда был заключен пакт с талибами о ненападении, афгано-туркменская граница была наиболее спокойной, то в настоящее время такой вариант развития событий исключен. «Талибан» - это чисто этно-пуштунское движение и в основе своей направленно на внутриафганские

процессы. ИГ ставит цель на расширение своего влияния и светские режимы его абсолютно не устраивают.

Тем не менее, активные действия отрядов ИГ и движения «Талибан» в северных провинциях страны может остановить еще один трансграничный проект: железная дорога Туркменистан – Афганистан – Таджикистан. Она необходима Китаю, однако пока все ограничено проектными работами.

К выше изложенному бесконечному афганскому синдрому следует добавить, заметки и выводы военного географа А.Е. Снесарева: «Афганистан сам по себе никакой цены не представляет... Если этой страной и можно овладеть, то удержать ее в руках очень трудно, на заведение администрации и заведение порядка потребуется столько ресурсов, что страна этих трат никогда не вернет: ей вернуть их не из чего». [34]

На данный момент оказывается военно-техническая помощь бывшим союзным республикам в формате ОДКБ, а также осуществляется сотрудничество с американскими военными в Афганистане для быстрого реагирования на провокации со стороны боевиков и предотвращения распространения терроризма на соседние с Афганистаном государства.

В свете происходящих событий следует отметить, что координация усилий России, стран Центрально-Азиатского региона СНГ, стран-членов ОДКБ может сдерживать угрозу распространения радикальных идей ИГ на близлежащие территории и регионы.

Таким образом, можно сделать ряд выводов и спрогнозировать варианты развития ситуации:

1. Геополитическое положение Ближнего Востока предопределило его особую роль в международных делах и процессах.

Во-первых, данный регион занимает ведущее место в мире по мировой добычи нефти. Однако нефть является не только благом, но и конфликтообразующим фактором в регионе. Это объясняется тем, что наличие столь богатых ресурсов делает регион объектом экспансии ведущих государств мира.

Во-вторых, здесь пересекаются важнейшие морские, воздушные и наземные коммуникации, соединяющие Европу, Азию и Африку. Такое стратегическое расположение делает данный регион безусловно перспективным с точки зрения развития экономики и решения военно-стратегических задач по установлению контроля, тем самым обостряя соперничество как ближневосточных, так и внерегиональных акторов.

В-третьих, наложение различных культур, конфессий и народов представляет огромный конфликтный потенциал и создает дополнительные трудности для решения политических задач.

В-четвертых, важность Ближнего Востока для мировой политической стабильности обусловлена тем, что оттуда исходит значительное количество современных угроз – экспорт исламского фундаментализма и терроризма, возможность распространения ОМУ. Подобное положение вещей обусловлено значительным количеством региональных конфликтов, в связи с чем некоторые государства Ближнего Востока в настоящий момент находятся либо в стадии распада (например, Ирак, Сирия, Ливия, Йемен), либо близки к серьезному гражданскому конфликту (Бахрейн, Ливан). Даже в тех странах, где внутривнутриполитическое положение относительно стабильно, вызревают этно-конфессиональные противоречия, в перспективе грозящие привести к мощному социальному взрыву.

2. «Исламское государство Ирака и Леванта» — ИГИЛ, также сегодня известное как «Исламское государство» — международная исламистская суннитская террористическая организация. Хотя на самом деле нельзя утверждать, что ИГ - мусульманская группировка или структура. ИГ - это просто террористы, экстремисты и убийцы, прикрывающиеся исламом. На сегодняшний день «Исламское государство» представляет собой четко выстроенную организационную структуру, которая контролирует более 90 тыс. кв. км территории Ирака и Сирии, располагает разветвленной сетью военного командования, инфраструктурой, налаженной системой своих специальных служб, системой логистики и имеет ежедневный торговый оборотом (нефть и нефтепродукты, работоторговля, продажа оружия) на миллионы долларов.

Наряду с этим угроза «Исламского государства» для России становится все ощутимее и опаснее. По данным специальных служб страны и независимых экспертных групп, на стороне радикальной оппозиции в Сирии воюет 1,7 тысячи россиян. ИГ постепенно распространяет свое влияние в Центрально-Азиатском постсоветском пространстве и вербует экстремистов, действуя в Афганистане как в стране непосредственно граничащей со странами СНГ и ОДК, с которыми Россия находится в союзнических отношениях.

3. Значительное место в происходящих событиях занимает политика ведущих стран мира и стран региона Ближнего Востока. Борьба с международным терроризмом – важная статья американской внешней политики, прописанная в Стратегии национальной безопасности. Интересы США в Сирии ясны, но на деле Вашингтон и союзники, как оказывается, преследуют иные стратегические цели, которые несовместимы с активизацией российской деятельности в регионе. Не последнее место в становлении ИГ занимают помимо США также Турция, Саудовская Аравия и Катар. Идеология этих салафитских государств полностью совпадает с идеологией ИГ и они заинтересованы в геополитическом переформатировании Ближнего Востока.

При этом начавшаяся в августе 2014 года операция США по противодействию ИГ не могла обеспечить решение поставленных задач ввиду участия в коалиции таких стран, как Саудовская Аравия, Турция и Катар, которые заинтересованы в усилении террористической организации. Низкая эффективность наносимых воздушных ударов, отсутствие разведывательной и координационной поддержки, а также взаимодействия с армией САР ставят под сомнение цели, заявленные западной коалицией, возглавляемой Вашингтоном, куда на сегодняшний день входит не менее 28 государств.

4. В настоящее время военно-политическая обстановка на Ближнем Востоке в большей мере зависит от происходящих событий в Сирии, на которые влияют внутренние и внешние факторы.

Внутренние факторы относятся к развитию дальнейшего наступления сирийской армии (при поддержке ВСК РФ) на ИГ и к поиску компромисса для урегулирования политической жизни страны. Несмотря на то, что сирийская армия за минувший месяц начала постепенно освобождать от террористов населенные пункты, темпы ее наступления пока недостаточны. Поэтому на сегодняшний момент пока трудно спрогнозировать, сколько времени потребуется для полного разгрома ИГ в Сирии – полгода, год или более. Но, тем не менее, начав 30 сентября 2015 года военно-воздушную операцию в Сирии Россия не только перехватила инициативу в борьбе с ИГ, но и сломала задуманный план по смещению Б. Асада.

Внешние факторы во многом будут зависеть от того плана или "дорожной карты" по урегулированию сирийского кризиса, которую

пытаются выработать на переговорах в Вене. Идет очень «горячая» дипломатическая борьба вокруг главной формулы – провести ли в Сирии новые президентские выборы, создать коалиционное правительство или правительство переходного периода. Однако на настоящий момент проблема состоит в том, чтобы уговорить его представителей сесть за стол переговоров. Нельзя забывать о позиции президента страны Б. Асада, которую он четко выразил в одном из своих интервью: «Я готов к любым переговорам и не побоюсь ради мира в Сирии поделиться властью с политической, а не вооруженной оппозицией. А террористов и бандитов буду бить и уничтожать».

Наряду с этим, после начала непосредственной военной поддержки России и военной активности Ирана в Сирии мощностъ и влияние ИГ в Сирии будет постепенно снижаться, а законно избранная властъ в Сирии получила хорошую военно-политическую поддержку со стороны России, Ирана и Ливана, которые гарантируют как минимум легальность действий правительства страны.

5. Значение политики РФ в отношении Ближнего Востока и происходящих событий в настоящее время прежде всего определяется мировым статусом России как постоянного члена Совета Безопасности ООН, активного участника в урегулировании региональных кризисов. С этим статусом связаны конкретные обязательства. Даже в силу одной этой причины Россия не может находиться в стороне от процессов, протекающих на Ближнем Востоке и, особенно, отстраняться от разрешения конфликтных ситуаций, когда его партнёрам и союзникам в регионе угрожает опасность. К тому же Россия имеет собственные интересы на Ближнем Востоке, причем весьма существенные, которые необходимо отстаивать. Эти интересы, настолько велики, что вполне попадают в категорию интересов национальной безопасности России.

При этом политика Российской Федерации максимально ясна и прозрачна – Россия заинтересована в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, недопущении разрастания влияния ИГ на Центральную Азию и Кавказ, а также в сохранении существующих геополитических очертаний региона.

6. В качестве вариантов прогноза развития событий в Сирии и на Ближнем Востоке в целом можно рассматривать следующий исход. На фоне активизации взаимодействия в Сирии, есть вариант при определенных обстоятельствах возможного сближения Ирана и Ирака, которые могут объединиться против Саудовской Аравии, которая сейчас активно финансирует как ИГ, так и сирийскую оппозицию. А если учесть нынешнее укрепившееся влияние России и ее военные возможности, то можно предположить, что мировые цены на нефть, которые сейчас в большей степени зависят именно от Саудовской Аравии и определяются США, могут поколебаться в другую сторону, и участие Москвы в мировом правопорядке станет постепенно определяющим.

В настоящее время никто не возьмется наиболее точно прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в Сирии, так как в прогнозном фоне слишком много факторов как явных, так и скрытых. Но в любом случае все последующие события в этой стране повлияют на изменения регионального и мирового порядка. Вернее, перемены можно видеть уже сегодня. И Россия вместе с Ираном этом прогнозном фоне очень сильный фактор корректирующий развитие ситуации.

7. С учетом участия стран Запада и России в уничтожении боевой мощи ИГ, высока вероятность совершения террористических актов в этих странах. Опасность сохраняется в европейских странах (Великобритания, Франция, Испания, Италия, Германия, Польша, государства Скандинавии и др.), принимающих миграционные потоки из зон высокой военно-политической нестабильности (Ближний и Средний Восток) или из государств, стремящихся к «освоению» европейских стран с использованием миграционных потоков (Турция – Германия; Алжир – Франция; Марокко – Испания; арабские страны и Пакистан - Великобритания и т.п.). Вместе с беженцами и мигрантами могут перемешаться и боевики ИГ, для налаживания или усиления вербовочной и террористической сети.

8. Одним из факторов развития военно-политической обстановки на иракском и сирийском ТВД может стать ситуация и в Йемене. К примеру, поражение хуситов в Йемене может привести к переброске сил радикальных

боевиков в Сирию и Ирак, а также к «освобождению» значительной части саудовской армии и финансовых ресурсов, которые могут быть перераспределены для решения дел в Сирии и в Ираке.

С учетом складывающейся военно-политической обстановки в Йемене, можно пока предположить развитие нескольких сценариев.

Первый сценарий – это разделение Йемена на две части – южную и северную. Подобное разделение уже было в Йемене в шестидесятых годах прошлого столетия во времена господства Британской империи в Южном Йемене.

Второй сценарий – это сохранение единства Йемена, с установлением марионеточного режима. Этот сценарий хорош для Саудовской Аравии, так как влияние этой страны на Йемен сохранится и значительная часть саудовской армии и финансовых ресурсов, может быть перераспределена для решения проблем в Сирии и в Ираке.

Третий сценарий – это создание смуты и нестабильности в стране. Однако этот сценарий будет иметь негативные последствия для Запада. Ибо нестабильность в Йемене может распространиться на весь Аравийский полуостров и перекинуться на Африканский рог, и подвергнуть угрозе Баб-эль-Мандебский пролив. К тому же, нестабильность в Йемене будет означать усиление мощи «Аль-Каиды». В подобных условиях США будет легче оправдать свое присутствие в странах Ближнего Востока под предлогом борьбы с «Аль-Каидой».

Ссылки на источники:

1. Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002. С. 21.
2. Ганиев Т.А. Теория национальной и региональной безопасности. Монография - М.: ВУ, 2014.С.75.
3. Ганиев Т.А. Теория национальной и региональной безопасности. Монография - М.: ВУ, 2014.С.77.
4. Ганиев Т.А. Теория национальной и региональной безопасности. Монография - М.: ВУ, 2014.С.78.
5. Снесарев А.Е. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003. С. 783.

6. Прошлое и будущее радикальных группировок в свете геополитических реалий. <http://politinform.su/pervaya-polosa/3192-proshloe-i-budushee-radikalnyh-gruppirovok-v-svete-geopoliticheskikh-realiy.html>
7. Прошлое и будущее радикальных группировок в свете геополитических реалий. <http://politinform.su/pervaya-polosa/3192-proshloe-i-budushee-radikalnyh-gruppirovok-v-svete-geopoliticheskikh-realiy.html>
8. Левин З.И. Фундаментализм. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт, 2003. – С. 264.
9. Брюс Хоффман. Терроризм – взгляд изнутри. – М., 2003. – С. 134
10. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г. «Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах. Исламская Республика Иран». Учебник. Электронный ресурс. М.ВУ – 2015. С. 522
11. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г. «Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах. Исламская Республика Иран». Учебник. Электронный ресурс. М.ВУ – 2015. С. 523
12. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г. «Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах. Исламская Республика Иран». Учебник. Электронный ресурс. М.ВУ – 2015. С. 524
13. Анатомия террора. ИГ в цифрах и фактах http://www.aif.ru/politics/world/anatomiya_terrora_ig_v_cifrah_i_faktah
14. "НЕЗАВИСИМОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ": "Все грани "Исламского государства". История о том, как и при чьей помощи террористическая организация стала такой большой силой". <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=18465>
15. ИГИЛ и Турция: есть ли связь? http://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/igil-i-turcia-est-li-svaz/
16. ИГИЛ и Турция: есть ли связь? http://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/igil-i-turcia-est-li-svaz/
17. Кто финансирует «Исламское государство»? <http://islamreview.ru/economy/kto-finansiruet-islamskoe-gosudarstvo/>
18. Противостояние России и Катара на фоне сирийского конфликта. <http://vpoanalytics.com/2013/01/28/protivostoyanie-rossii-i-katara-na-fone-sirijskogo-konflikta/>
19. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г., Чернета О.Г. «Специальное страноведение. Исламская Республика Иран». Учебник. М.ВУ – 2015. С. 558
20. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г. «Анализ и прогнозирование военно-политической обстановки в зарубежных странах. Исламская Республика Иран». Учебник. Электронный ресурс. М.ВУ – 2015. С. 570
21. ИГИЛ в России. Реальна ли угроза мирового терроризма?

http://24smi.org/news/27459-igil-v-rossii-na-skolko-realna-ugroza_spect_ob.html

22. Президент Ирака: военное сотрудничество Багдада и Тегерана будет продолжено http://www.knews.kg/mezhdunarodnye_novosti/64049_prezident_iraka_voennoe_sotrudnichestvo_bagdada_i_tegerana_budet_prodoljeno/

23. Госдеп заявил о 22 тысячах воюющих в САР и Ираке иностранных боевиков. http://kurdistan.ru/2015/06/02/news-24190_Gosdep_zayavil_o_22_tysyachah_voyuyuschih_v_SAR_i_Irake_inostrannyh_boevikov.html

24. «Сирийская армия наступает: медленно, но верно» <http://news.ivist.kz/96646721-siriyskaya-armiya-nastupaet-medlenno-no-verno>.

25. Пентагон разбудил «Вулкан Евфрата» http://interpolit.ru/blog/pentagon_razbudil_vulkan_evfrata/2015-10-25-5870

26. Евгений Сатановский «Стингеры» уже в Сирии. <http://news-front.info/2015/10/13/stingery-uzhe-v-sirii-evgenij-satanovskij/>

27. Число беженцев из Сирии превысило 4 млн человек. <http://gursesintour.com/aktualnye-novosti/chislo-bezhencev-iz-sirii-previsilo-mln-chelovek/49243/>

28. Число беженцев из Сирии превысило 4 млн человек. <http://gursesintour.com/aktualnye-novosti/chislo-bezhencev-iz-sirii-previsilo-mln-chelovek/49243/>

29. Центральноазиатские и российские боевики уходят из соцсетей <http://inozpress.kg/news/view/id/47431>

30. Центральноазиатские и российские боевики уходят из соцсетей <http://inozpress.kg/news/view/id/47431>

31. ИГ объявило о присяге всех боевиков Северного Кавказа. <http://newsland.com/news/detail/id/1563511/>

32. Генсек ОДКБ заявил о присутствии боевиков «Исламского государства» в Афганистане <http://afghanistan.ru/doc/79324.html>

33. Ганиев Т.А., Толмачев, С.Г., Чернета О.Г. «Специальное страноведение. Исламское Государство Афганистан». Учебник. М.ВУ – 2015. С. 305

34. Снесарев А.Е. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003.

Список источников:

1. Брюс Хоффман. Терроризм – взгляд изнутри. – М., 2003.
2. Ганиев Т.А. Теория национальной и региональной безопасности. Монография - М.: ВУ, 2014..
3. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г. «Анализ и прогнозирование военно-

- политической обстановки в зарубежных странах. Исламская Республика Иран». Учебник. Электронный ресурс. М.ВУ – 2015.
4. Ганиев Т.А., Бондарь С.М., Толмачев С.Г., Чернета О.Г. «Специальное страноведение. Исламская Республика Иран». Учебник. М.ВУ – 2015.
 5. Ганиев Т.А., Толмачев, С.Г., Чернета О.Г. «Специальное страноведение. Исламское Государство Афганистан». Учебник. М.ВУ – 2015.
 6. Левин З.И. Фундаментализм. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт, 2003.
 7. Модестов С.А. «Специальное страноведение. Арабская Республика Египет». Учебник. М.ВУ – 2015.
 8. Снесарев А.Е. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003.
 9. Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002.
 10. Социум в условиях глобальной и региональной нестабильности. Сборник статей М.: Военный университет, 2014.
 11. Ближний Восток и современность. Сборник статей. М., 2013-2015 г.
 12. Аргументы и факты <http://www.aif.ru/>
 13. Военно-политическая аналитика Интернет-журнал <http://vpoanalytics.com/>
<http://www.iran.ru/news/analytics/85914/>
 14. Википедия <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
 15. Геополитика | Аналитический портал <http://gpolitika.com/>
 16. Геополитика - новости и аналитика <http://geo-politica.info/>
 17. "Независимое военное обозрение" <http://nvo.ng.ru/>
 18. Красная Звезда <http://www.redstar.ru/>
 19. Институт Ближнего Востока <http://www.iimes.ru/>
 20. Иран.Ру» — информационно-аналитический сайт <http://www.iran.ru/>
 21. Интерфакс <http://www.interfax.ru/>
 22. Российский институт стратегических исследований (РИСИ) <http://riss.ru/>
 23. 24 СМИ <http://24smi.org/>
 24. Центр стратегических оценок и прогнозов <http://csef.ru/>